

Екатерина Евгеньева

**Герцогиня
под прикрытием:
кухарка на полставки**

литмоб «Счастье по рецепту»

Екатерина Евгеньева

**Герцогиня под прикрытием:
кухарка на полставки**

«Литнет»

2025

Евгеньева Е.

Герцогиня под прикрытием: кухарка на полставки /
Е. Евгеньева — «Литнет», 2025

Покупка книги в странной лавке обернулась попаданием в другой мир в тело... самой себя. Здесь есть магия, злые родственники и даже жених, которому я нужна явно не из-за большой любви. Как не запутаться во всем этом? Сбежать ото всех куда подальше, принять в наследство захудалую таверну тетушки и поразить всех блюдами из картошки. Так, а почему это я неожиданно оказалась замужем? Будем разбираться вместе. Книга участвует в литмобе

© Евгеньева Е., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
1 глава	7
Приветствие	9
2 глава	12
3 глава	14
4 глава	16
5 глава	18
6 глава	21
7 глава	23
8 глава	25
9 глава	28
10 глава	30
11 глава	33
12 глава	35
13 глава	38
14 глава	40
15 глава	42
16 глава	44
17 глава	47
18 глава	49
19 глава	52
20 глава	55
21 глава	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пролог

За двадцать лет до основных событий

Маргарет Эверли, в девичестве Стоунж, медленно спускалась по каменным ступеням, скользя рукой по влажным стенам подвала. Она не была здесь очень давно, с тех самых пор, как матушка показывала ей, как можно использовать силу. Запретную. Темную. Цена этим знаниям – смерть. Но разве может быть что-то страшнее той пустоты, что поселилась в ее сердце после того, как она узнала, что может потерять ЕГО?

Маргарет чувствовала, как костлявая медленно следит за ней и провожает пустыми глазами. Поежилась от еле уловимого ветра с привкусом отчаянья. Она знала, что пути назад не будет. Факелы на стенах вспыхивали зловещим светом, отбрасывая причудливые тени, в которых как будто мелькали очертания тех, кто пытался провести этот ритуал до нее. Она махнула головой, отгоняя видение. Сердце колотилось так бешено, что, казалось, еще мгновение, и оно остановится.

– Мадам, вы уверены? – тишину разорвал слабый голос служанки. – Может, есть другой способ? Мистер Эверли не одобрил бы...

– Замолчи! – резко оборвала ее Маргарет, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Нельзя останавливаться. Иначе все, к чему она так долго шла пойдет прахом.

Служанка тряслась. Но не от страха за себя. Будучи слишком преданной хозяйке, она до последнего рассчитывала, что та одумается и вернется назад. Но, видя яростный блеск в глазах мадам, понимала – месть затмила ее разум, затуманила взор.

– Замолчи и следуй за мной, – прошипела хозяйка, когда с потолка упала капля, точно попав ей за шиворот. Плохой знак, прошептало подсознание, но она отмахнулась от этой мысли.

Шаги ускорились, и уже через несколько минут, растянувшихся словно в часы, ноги женщин ступили на влажную рыхлую землю. Туфли застревали и собирали на себя комья грязи. Где-то вдалеке послышался звук, похожий на стон, и обе женщины вздрогнули.

– Давай камни, – приказала Маргарет служанке и носком туфли отбросила мусор с нужного места. Старинные записи в дневнике матери были предельно ясны – обряд должен быть проведен именно здесь, где грань между мирами тоньше всего.

– Мадам, давайте я, не берите грех на душу, – это была последняя попытка отговорить госпожу. – Подумайте о вашем положении при дворе, о последствиях...

Глаза хозяйки вспыхнули в темноте зловещим светом, и верная спутница женщины наконец оставила попытки образумить ее. В этом взгляде читалось безумие человека, боявшегося потерять все.

– Я должна сделать это сама.

Она опустила на колени, не обращая внимания на то, что подол платья тут же стал грязным. Красный цвет превращался в бурый, смешиваясь с черным песком. Белоснежное кружево темнело, теряя свое былое великолепие. Точно так же, как померкла ее собственная жизнь после той роковой ночи, когда она узнала, что муж собирается развестись с ней и уйти к другой. Только не сейчас.

Разложив камни в известной только ей одной последовательности, она замерла. Грудь вздымалась часто-часто, выглядывая из туго зашнурованного корсета. Воздух сгустился, стал тяжелым, а температура резко упала.

Когда Маргарет достала из складок платья кинжал, служанка лишь охнула и прижала руки к лицу. До этого дня она и не подозревала, что ради своей цели ее госпожа готова пойти действительно на все. Замерев, она смотрела, как та резко провела лезвием по ладони, и капли крови медленно упали на землю ровно в середину выстроенного из камней круга.

Незнакомые слова тихо лились из уст женщины. Внезапно пламя факелов взметнулось вверх, а из круга начал подниматься черный дым, принимающий человеческие очертания.

– Кто посмел призвать меня? – раздался голос, от которого кровь застыла в жилах.

Маргарет подняла голову, и на ее губах появилась победная улыбка:

– Тот, кто готов заплатить любую цену за свою просьбу.

1 глава

Елена

– Лена, даже не думай переживать из-за этого уroda, – подруга потянула ко мне руки и сжала ледяные ладони. Тепло. Я чувствовала, что она любит меня, и от этого тугой узел в груди немного ослаб. Оля всегда была рядом, даже когда я, как последняя дура, отдалилась от всех ради этих «идеальных» отношений.

– Оля, пять лет! – я чуть не сорвалась на крик, голос предательски дрожал. В груди все болело и ныло, к горлу подкатывала тошнота. Мне хотелось свернуться клубочком и лечь на пол. А потом долго-долго плакать от того, как порой бывает несправедлива судьба. – Знаешь, что самое паршивое? Я ведь чувствовала что-то. Последние полгода он изменился, стал каким-то дерганным.

– Да, просрала ты эти годы, – она пододвинула поближе ко мне блюдо с пирожным. – Зато хоть замуж выйти не успела за этого... парнокопытного. И квартира твоя, и машина. А могло быть хуже.

Ольга умела называть вещи своими именами и за словом в карман никогда не лезла. Но сейчас, видя, как меня трясет, она была довольно деликатна. Хотя, зная ее, я представляла, какими синонимами она сейчас одаривала моего бывшего парня.

Все было до банального просто. Мой благоверный, хотя, наверное, нельзя теперь его так называть, почему-то решил, что интрижка с моей двоюродной сестрой не вылезет наружу. С той самой сестрой, которую я приютила, когда ей негде было жить. Которой я помогала с учебой и работой. Уверенный в своей безнаказанности и фартовости, он начал доказывать этой пигалице, что ого-го какой марафонец! А я, как назло, вернулась домой раньше обычного – накрыла их прямо в нашей спальне.

– Лена, – вскочил он, прикрываясь одеялом, белый как мел. – Это...

– Именно то, о чем я подумала, и то, чем это кажется на первый взгляд, – руки у меня тряслись, но голос оставался ледяным. – Ты, – я ткнула пальцем ему в обнаженную грудь, с отвращением глядя на засос на шее. – И ты, – перевела взгляд на замершую сестрицу. – В край охренели!

– Он сам...

– Она сама...

Они крикнули одновременно, сваливая вину друг на друга. Я окинула их хмурым взглядом и что-то внутри меня сломалось, надорвалось и исчезло. Вера в любовь? Нет. Скорее вера в то, что как ты обращаешься с людьми, так и они будут вести себя с тобой. Глупо. Глупая Лена. А ведь мама всегда говорила – не пригревай змею на груди.

– Значит так, – я открыла шкаф, выкидывая из него вещи уже бывшего мужчины. Дорогие рубашки, которые я гладила каждое утро, летели на пол. – Ты собираешь свои манатки и сваливаешь в закат.

На дворе был день, но в голову почему-то пришла именно эта фраза.

– А тебе, милая моя сестренка, – я с удовольствием увидела, как она вздрогнула от моего тона, – придется все же съехать в общежитие, которое тебе так любезно предоставило наше государство.

– Там же тараканы! – мерзавка посмела еще и возражать, натягивая одеяло повыше. – Терпеть не могу этих мерзких насекомых, хуже крыс.

– Да? – я сощурилась и новым взглядом прошла по девушке. Красивая. Я могла себе в этом признаться без всякой ложной женской зависти. Темные прямые длинные волосы, упругая грудь, которая отчетливо виднелась сквозь легкую майку. Девушка в самом соку, как бы противно это ни звучало. Теперь было понятно, почему она последние месяцы так часто «заси-

живалась допоздна в библиотеке». – А мне кажется, ты должна дружить со своими собратями-паразитами, подбирающими все за другими.

– Да как ты, – она вскочила на кровати и гневно уставилась на меня.

Наглая. Красивая, наглая, молодая девушка, которая спала с моим парнем в моей квартире и на мною же купленных простынях. На тех самых, что я выбирала так тщательно, представляя нашу будущую семейную жизнь.

– Смею. Тете Наде, так и быть, я сама позвоню и скажу, чтобы посылки отправляла уже на другой адрес.

– Нет, – сестра заорала так истошно, что мой бывший чуть не поперхнулся. – У нее сердце. Ей нельзя переживать.

– Да? А мне казалось, что она пышет здоровьем, раз на деньги, которые я ей давала на санаторий, сделала ремонт в кухне. И даже новую плиту купила, – во рту стало горько от осознания того, как меня использовали все эти годы.

От этого мне стало еще хуже. Я почувствовала себя дойной коровой, от которой всем всегда было что-то надо. Достала телефон и быстро, пока они не опомнились, сделала фото полураздетой парочки.

– Если через десять минут вы еще будете в квартире, то вышлю это фото своей любимой тетушке.

А дальше для меня все прошло как в тумане. Крики, сборы, стук дверц шкафов и постоянные упреки в мою сторону о том, какая я бессердечная и уж на первый раз могла бы и простить оступившихся любовников. Первый раз... Интересно, сколько их было на самом деле?

– Эй, Лен, – подруга щелчком пальцев вернула меня в реальность. – Я тут подумала, может ко мне с ночевкой? Не хочу оставлять тебя одну. У меня есть бутылка того напитка, который ты любишь.

– Спасибо, но я лучше домой, – я покачала головой, пытаясь собраться с мыслями. – Клининг уже все помыл, даже матрас новый привезли. Так что поеду-ка я к себе. Драники пожарю.

– Со сметанкой? – Оля смотрела с такой заботой, что к глазам снова подступили слезы.

– Угу, – я кивнула подруге, сжимая в руках салфетку. – Как мама учила.

День казался мне бесконечным. В окнах машины мелькали прохожие. Счастливые, грустные, задумчивые. Парочки, держащиеся за руки. От их вида к горлу подкатывал ком. Вдруг взгляд резко выцепил странную вывеску магазина. Золотые буквы мерцали в лучах солнца, притягивая внимание. Так бывает, когда среди знакомого ты видишь нечто новое, чего определенно не было до этого. По спине пробежал холодок, а сердце почему-то начало биться чаще. Я резко затормозила и припарковала машину у тротуара, стараясь не обращать внимание на крики водителей. Что-то подсказывало – мне надо сюда. Сейчас. Сию же минуту.

«Кулинарная магия», – гласила яркая вывеска. Меня будто что-то тянуло туда. Резко распахнула дверь магазинчика и под трель колокольчика вошла внутрь.

Приветствие

Дорогие читатели!

Рада приветствовать вас в своей новой истории

"Герцогиня под прикрытием: кухарка на полставки"

Вас ждут приключения, тайны и интриги, а еще много готовки!

Запасаемся ингредиентами и вперед!

Добавляйте книгу в библиотеку! Если вам нравится, то обязательно поставьте звездочку

☆☆☆☆

Книга выходит в рамках литмоба Счастье по рецепту

Литмоб
Счастье
по рец.

Готовим счастье се

Быт

<https://litnet.com/shrt/1bJq>

2 глава

Елена

Я оглянулась по сторонам и тут же наткнулась на хитрый взгляд немолодой женщины, стоящей за прилавком. В полумраке ее глаза отливали золотистым блеском, а седые пряди будто светились изнутри. По спине пробежали мурашки, но я смело прошла внутрь.

– Здравствуйте! – произнесла она обманчиво мягким голосом. – Что хотите?

Меньше всего я ожидала услышать такое. А где же стандартное «Чем могу вам помочь? Вам подсказать?» На худой конец «Вы что-то ищете?» Опешив от такого приветствия, я как рыба хлопала глазами. Сердце неожиданно начало биться чаще, словно предчувствуя что-то важное.

– Да вы проходите, милочка, не стесняйтесь, – ее тонкие пальцы, унизанные серебряными кольцами, выстукивали по прилавку какой-то странный ритм.

Я уже была близка к тому, чтобы «милочка» сорвалась и высказала этой даме все о понятии «клиентоориентированность», которое так любят в корпоративном мире. Но почему-то молчала и просто стояла перед ней, завороченная этим постукиванием.

– Мне кажется, у меня для вас есть кое-что интересное. И не просто интересное, а именно то, что изменит вашу жизнь, – она улыбнулась, и в уголках ее глаз собрались морщинки, складывающиеся в какие-то символы.

«Бред какой-то»

– И откуда же вы знаете, что мне надо? – наконец ожила я и подошла ближе. В воздухе витал едва уловимый аромат корицы и... надежды?

Часть меня все еще хотела уйти и не понимала, что я вообще здесь забыла. Книжки по готовке у меня были, да и в интернете сейчас можно было найти столько всего, что не было смысла охотиться за бумажными экземплярами, разве что за лимитированными изданиями. Но я не была настолько помешана на эксклюзивности, чтобы это делать. И все же что-то удерживало меня здесь, какой-то внутренний голос просил остаться.

Не говоря ничего, я медленно повернулась к витринам и стала рассматривать ассортимент. Чего здесь только не было! Тонкие и толстые, в простых обложках и таких, что могли бы стоять в Эрмитаже. Глаза разбегались. А отливающие золотом названия так и манили посмотреть, что внутри. Некоторые буквы, казалось, меняли очертания, стоило только присмотреться внимательнее.

Я уже протянула руку, но вдруг поняла – нет, не мое. Не хотела. Смотреть – да, а вот коснуться что-то мешало. Старалась не думать об этом. Но место все больше и больше начинало казаться странным. Где-то вдалеке послышался тихий перезвон колокольчиков, хотя я и не видела их при входе.

Внутри был полумрак, а за окном еще светило солнце. Я видела несколько светильников, но их свет будто бы рассеивался, так и не долетая до меня. Тени в углах шевелились, словно живые. Я провела рукой по шершавой деревянной поверхности полки и словно погрузилась куда-то. Там было лето, и легкий ветер трепал волосы, там царил уют и пахло едой. В видении мелькнул чей-то силуэт, от которого внезапно замерло сердце. С трудом сбросив наваждение, я снова вернулась к продавщице.

– Вы не ответили, – не моргая смотрела я на нее, считывая каждое движение. – Что же мне, по-вашему, надо?

– Так известно, что, – женщина усмехнулась, и в уголках ее глаз я увидела четкие складки. – Дом, забота и любовь, куда ж без нее, окаянной. И не простая любовь, а та самая, единственная, что уже совсем рядом.

Сердце пропустило удар. Откуда? Я думала об этом, пока ехала. Именно в такой последовательности. Свою квартиру я больше не могла считать домом. После измены парня и предательства сестры теперь это было просто место, где можно было переночевать. Каждая вещь там напоминала о том, как я застала их вместе, как рушился по кусочкам мой мир. Да и не была она мне никогда домом. Сама не понимала почему, но даже до всего случившегося я чувствовала себя там будто в гостях, хотя и старалась навести уют.

Забота? Я давно уже не знала, что это такое. После смерти мамы взвалила на свои плечи все, что только можно, и превратилась в заботливую племянницу для тети, в понимающую сестру. Даже в преданную девушку, напрочь позабыв о том, что и я достойна этой самой заботы. Простой и бесхитростной.

Ну а про любовь и говорить было нечего. Все и так было понятно. Хотя где-то в глубине души все еще теплилась надежда на то самое, настоящее чувство.

– А кому ж не нужна? – выдержала я ее долгий взгляд, чувствуя, как по коже бегут мурашки.

– Тому, кто уже не верит, – после ее слов резко стало холодно. – А в тебе тлеет еще огонек надежды. И скоро он разгорится ярким пламенем.

Мне казалось, что она проникает глубоко-глубоко в мои мысли и потаенные желания. Как будто повторяет мои же слова, сказанные самой себе. В воздухе сгущалось что-то необъяснимое, магическое.

– Сколько? – спросила я, прикидывая в уме сумму, которую могла потратить на спонтанную покупку. Руки слегка подрагивали от волнения.

– А сколько не жалко? – женщина протянула вперед руку ладонью вверх. На ее запястье вспыхнул необычный браслет.

– Бери, что есть, – сказала я как в тумане и вложила свою ладошку в ее. Кожа продавщицы оказалась неожиданно теплой, почти горячей.

В тот же миг перед глазами потемнело, пол под ногами исчез, и я куда-то полетела, потеряв равновесие. Последнее, что я услышала, – тихий смех и слова: «Не бойся, твое счастье ждет впереди. Если сумеешь...» Что именно я должна была суметь сделать, уже не расслышала – меня унесло куда-то потоком.

3 глава

Елена

Я лежала с закрытыми глазами и дрожала от холода. Обняв себя за плечи, с трудом открыла глаза, буквально разлепив веки. Вокруг меня была темнота, а я сама, судя по ощущениям, лежала на чем-то твердом и прохладном. Мысли путались, но что-то внутри меня кричало о том, что так не должно быть. В воздухе витал едва уловимый запах лаванды, смешанный с древесными нотками – вероятно, от мебели.

Пыталась вспомнить, что было до, но там, где должны были быть воспоминания, ощущала только пустоту. Паника накатывала волнами, сердце колотилось так, словно вот-вот выпрыгнет из груди. С трудом поднялась, ощущая слабость во всем теле, словно после долгой болезни, и, когда глаза наконец-то привыкли к темноте, попыталась рассмотреть, где нахожусь.

– Ммм... – мой голос звучал мягко, но был чужим и хриплым. Коснулась сухих губ руками и тут же закашлялась от боли в горле. В темноте разглядела силуэт графина и сделала несколько глотков воды с легким металлическим привкусом.

Огляделась. Я находилась в довольно большой комнате. Темнота мешала рассмотреть все подробнее, и я отдернула плотную тяжелую штору в сторону. Лунный свет тут же осветил странное убранство помещения. За окном слышалось уханье совы и шелест листвы.

– Где я? – задала я сама себе вопрос, но так и не нашла ответа. Что-то настойчиво царапало сознание, словно я должна была помнить нечто важное, но так и не смогла ухватить эту мысль.

Большая кровать на резных высоких ножках была украшена резьбой с витиеватым растительным орнаментом. Удивительно, как я не сломала себе что-нибудь, пока спускалась с нее – высота составляла половину моего роста. Наверху висел темный балдахин из плотной, как и у шторы ткани. У окна стоял небольшой рабочий стол и стул с высокой спинкой. В темноте заметила слабое очертание двух дверей. Провела рукой по деревянной поверхности стола – ощущение было знакомым, но никак не могла уловить, где чувствовала что-то похожее. В голове вспыхнул образ другого стола – гладкого, белого, с какой-то странной поверхностью.

Так и не поняв, что же тут не так, снова забралась на кровать. Бессмысленно думала о луне, о том, что спать на таком матрасе вредно при артрите и артрозе. Не успела даже задуматься о том, что значат эти медицинские термины и откуда я их знаю, как снова провалилась в тяжелый сон.

– Леди, пора вставать, – кто-то решительно распахнул шторы до конца,пуская в комнату солнечный свет. Яркие лучи безжалостно били по глазам, а с улицы доносилось щебетание птиц и отдаленный стук копыт.

Я поморщилась и натянула одеяло на голову. Хотелось и дальше лежать в кровати, хотя бока болели от твердого матраса. В нос ударил запах свежестыранного белья, смешанный с ароматом утренней росы, проникающим через открытое окно.

– Леди Эверли, вы же знаете, как ваша матушка огорчается, когда вы опаздываете на завтрак, – с меня безжалостно стянули одеяло, и кожу тут же охладил утренний ветерок. В голосе служанки слышалось плохо скрываемое раздражение. – Она отругает вашу верную служанку, если я не сделаю все, как надо. А потом опять будут говорить, что я не справляюсь со своими обязанностями.

– Ммм, еще пять минут... – фраза казалась до боли знакомой. В голове тут же всплыла ассоциация с противной мелодией, которая не предвещала ничего хорошего. Она обозначалась странным словом «будильник». Перед глазами мелькнул образ маленькой светящейся корочки с цифрами, но тут же исчез, оставив после себя легкое головокружение.

– Вода готова, если не поспешите, то придется умываться холодной, – сказала незнакомка уже более жестким тоном, и в ее голосе проскользнула нотка злорадства.

Внутри защемило от возмущения ее словами, но я не смогла до конца понять, что именно не так. В голове мелькнул образ какой-то блестящей конструкции с рычажками, из которой текла вода – и горячая, и холодная одновременно. Но он сразу же ускользнул, оставив после себя тупую головную боль. Я чувствовала себя очень странно, словно после долгой затяжной болезни только-только начинала приходить в себя.

«Я болела?» – хотела спросить об этом девушку, но она уже выходила из комнаты, ее каблуки стучали по деревянному полу. Невысокая, молоденькая и юркая. На ней было коричневое платье в пол и белоснежный накрахмаленный фартук. Чепчик такого же цвета скрывал прическу так хорошо, что я даже не знала цвет ее волос. Странно, но ее одежда выглядела намного опрятнее и дороже, чем то, что я видела на себе.

Я покорно встала и умылась еле теплой водой из фарфорового кувшина. Вода пахла жасмином, но этот запах почему-то казался неправильным – в памяти всплывал аромат чего-то резкого, свежего... мыла? Не сказать, чтобы я уж так долго собиралась, что вода успела бы так сильно остыть. В чем подвох? Может, ее специально принесли чуть теплой?

Уборная была довольно большой, и мебель там оказалась вся в позолоченных вензелях. Тяжелые бархатные портьеры, теперь-то я разглядела получше, расшитые золотой нитью, изысканный туалетный столик. Но среди всей этой роскоши я не нашла зеркала, что казалось странным для такой комнаты. По привычке хотела надеть на голову ободок, чтобы волосы не лезли в лицо, но не увидела ничего похожего на него. В памяти мелькнуло что-то эластичное, яркое, но образ снова ускользнул.

Одно знала точно: то, что сейчас со мной происходило – было неправильно. С губ готовы были сорваться знакомые слова: «Милый, свари мне кофе», мысль готова была вот-вот обрести форму, и я почти ловила ее...

4 глава

Елена

Будто мне назло служанка прогремела чем-то в комнате, отвлекая меня и сбивая с толку: – Ваше платье для завтрака, – торжественно, с какой-то злой удовлетворенностью показала на кровать моя служанка. В ее глазах плясали недобрые искорки, а уголки губ едва заметно приподнялись в усмешке.

Я с ужасом посмотрела на серое нечто, больше похожее на половую тряпку. Ткань выглядела дешевой, почти грубой, с неровными швами. Думать о том, откуда я знаю, как должна выглядеть качественная материя, у меня не было сил. Одежда служанки и то выглядит лучше, чем то, во что мне предстояло одеться.

Взяла в руки наряд и задумалась. Что-то подсказывало мне, что я привыкла к совсем другой одежде – более удобной, более... современной? Это слово всплыло в голове и тут же исчезло.

– Это? – хотела брезгливо отбросить, но не смогла. Словно внутренний голос запретил, шепча, что так надо, что это правильно.

В коридоре светло. Под ногами – дорогой ковер с замысловатым узором, на стенах – картины в золоченых рамах и канделябры, но я чувствовала себя самым жалким существом в этом богато обставленном доме. Платье противно шуршало по полу, подметая пылинки.

Я все-таки надела его. Серое бесформенное платье с завязками на талии из явно дешевой ткани кололо кожу при каждом движении. Оно противно переливалось на солнце, когда я проходила мимо высоких окон с витражными вставками. В нем я чувствовала себя мышью, которая случайно забрела в королевский дворец. На голове у меня тоже что-то серое, видимо, для комплекта с нарядом, а волосы собраны в низкий пучок, который неприятно тянул кожу.

– Ну вот вы и готовы, красавица вы наша, – приговаривала девушка, и в ее словах я явственно слышу издевку. Она произносила «красавица» так, словно это было самым грязным ругательством.

Пока шли, думала о том, почему в моей комнате нет зеркала, и меня снова посетило странное чувство неправильности происходящего. Почему служанка, которая должна быть ниже меня по положению, вела себя так... высокомерно?

Мы приблизились к лестнице, и я невольно замедлила шаг. Массивные перила из темного дерева блестели от полировки, а ступени устилал все тот же роскошный ковер. Спускаться в этом неудобном платье непросто – подол путался в ногах, а туфли, хоть и на небольшом каблуке, казались неустойчивыми.

– Осторожнее, леди Эверли, – в голосе служанки зазвучала притворная забота. – Не хватало еще, чтобы вы упали. Хотя... – она сделала многозначительную паузу и произнесла уже еле слышно, – возможно, это было бы даже к лучшему.

От ее слов по спине пробежал холодок. Я остановилась на середине лестницы, пытаюсь собраться с мыслями. Что она имела в виду? И почему я, явно живущая в таком богатом доме, одета как нищенка? Ответы ждали меня там, за закрытой дверью столовой.

Снизу донеслись приглушенные голоса и звон посуды. Пахнуло свежей выпечкой и кофе – этот аромат почему-то показался единственным знакомым в этом странном месте. В желудке предательски заурчало, напоминая, что я, кажется, давно не ела.

– Не стойте столбом, – зашипела служанка, подталкивая меня в спину. – Ваша матушка уже наверняка заждалась. А вы же знаете, как она не любит ждать.

От упоминания матери внутри все сжалось. Страх? Тревога? Я попыталась вспомнить ее лицо, но в памяти всплыл лишь размытый силуэт.

Мы прошли через анфиладу комнат, каждая из которых поражала своим великолепием: тяжелые шторы, картины, старинная мебель. Но все это великолепие давило на меня, заставляя чувствовать себя еще более неуместной в этом доме.

– Приготовьтесь, – тихо произнесла служанка, останавливаясь перед высокими дверями столовой. – И помните, леди Эверли, держите спину прямо и... постарайтесь не разочаровать вашу матушку. Снова.

Двери открылись, и я замерла на пороге просторной столовой. Солнечный свет, льющийся через высокие окна, заливал помещение, играя бликами на серебряных приборах и хрустальных бокалах. За длинным столом сидели несколько человек, и все взгляды присутствующих мгновенно устремились в мою сторону. Ощутила себя так, словно оказалась один на один со стаей хищников, пираний или гиен.

Я глубоко вздохнула, стараясь не показывать свое смущение, и сделала шаг вперед.

5 глава

Елена

В центре стола – величественная женщина средних лет в темно-синем платье, расшитом серебряной нитью. Ее идеально уложенные темные волосы собраны в сложную прическу, а на шее поблескивало массивное ожерелье с сапфирами. Это, должно быть, и была моя мать, но я не чувствовала в себе никакой родственной связи, только холод и странную тревогу.

Невольно коснулась своих спутанных белых волос – еще одна загадка, ведь у всей семьи они черные как вороново крыло. В памяти мелькнул смутный образ: высокий мужчина с такими же белоснежными волосами ласково улыбался мне, но видение тут же исчезло.

– Наконец-то, – ее голос прозвучал как удар хлыста. – Я уже начала думать, что ты решила пропустить завтрак... снова.

– Простите, матушка, – слова вырвались сами, словно заученная фраза. Я присела в неуклюжем реверансе, чувствуя, как предательски дрожат колени.

– Сядь, – она указало на свободное место почти в конце стола, максимально далеко от себя. – И постарайся не испортить всем аппетит своим видом.

Краем глаза заметила, как остальные присутствующие – молодой мужчина в темном камзоле и две девушки в нарядных платьях – обменялись понимающими взглядами. В их глазах читалась смесь презрения и... жалости?

Хотела как можно тише пройти к указанному месту, но половицы предательски скрипели под ногами, а серое платье шуршало, привлекая еще больше внимания. Служанка, словно издеваясь надо мной, отодвинула стул с излишним грохотом.

– Благодарю, – прошептала, опускаясь на стул, чувствуя, как горят щеки от стыда и унижения.

Передо мной тут же появилась тарелка с каким-то супом, но запах, который еще недавно казался таким аппетитным, теперь вызывал только тошноту. В голове крутилась мысль, что все это неправильно, что я не должна быть здесь, в этом платье, в этом доме. Пальцы на автомате что-то искали в складках платья, хотелось взять в руки черный прямоугольник с гладким стеклом – предмет, которого здесь быть не могло, но память о котором не отпускала. Так и не найдя, попыталась вникнуть в суть разговора, делая вид, что ем.

Разговор с виду пустой, но я понимаю, что это хоть какие-то крохи информации. Вслушивалась, стараясь не пропустить ни слова.

– Ох, матушка, я так волнуюсь, – одна из девушек отложила в сторону приборы.

Красивая. Похожа на женщину во главе стола. Такие же волосы цвета вороного крыла, пухлые розовые губы, тонкие черты лица. На шее поблескивал изящный кулон. Внешность хоть и не кричащая, но довольно миловидная. Она мне понравилась, хотя что-то подсказывало – раньше я думала иначе.

– Кевин, – при упоминании имени она покраснела и опустила голову, стесняясь. – Он должен... вернее, я ожидаю, что вот-вот он сделает предложение.

– Мы все ожидаем, Розалин, – кивнул ей мужчина. – Не все же тебе ходить в девках. Вот Хел совсем другое дело.

Слышу сдавленные смешки, которые тут же перерастают в открытый смех. Даже служанка, стоящая за мной, тихо посмеивается в кулак. До боли в руке сдавливаю столовый нож. Мне уже жаль эту Хел, которую они обсуждали до этого, кем бы она ни была.

– Вот насмешил, да кто ж ее возьмет такую? – Розалин сделала большой глоток воды, едва не расплескав воду от смеха.

– А все эти дурацкие традиции, – в разговор вступила другая девушка. Скорее всего, подруга Розалин, так как внешность у них кардинально разная. Пухлая, с непослушными

рыжими завитками на голове, украшенными заколками с малахитом. Она бережно положила руку на предплечье мужчины, мягко поглаживая его. – Это ведь пережиток времен Первой магической войны – когда младшая не могла выйти замуж, пока старшая так и ходит в старых девах. Хотя, надо признать, что сейчас на это закрывают глаза.

В памяти снова вспыхнул образ: я, маленькая, сидела на коленях у беловолосого мужчины, а он рассказывал мне о Северных землях и древней магии. Видение настолько яркое, что на миг перехватило дыхание.

– Оливия, – матушка впервые за трапезу взяла слово. – Хел ведь не виновата, что родилась с такой своеобразной внешностью. Но ты права, быть обузой семье это такое тяжелое бремя. Как ты справляешься, Хел?

Все взгляды тут же обратились ко мне, а я замерла. Так Хел – это я? Это они надо мной потешаются весь завтрак, принимая за какую-то бесчувственную мебель? Внутри расло не просто недовольство – настоящая буря эмоций.

– Получи я поддержку от тех, кто зовется моей семьей, признаюсь, мне было бы легче, – ответила, но сама не поняла, почему это не то, что вертелось на языке. Заметила, как мой бокал начал покрываться толстой коркой льда, а напиток внутри превращается в белоснежный кристалл.

В зале на секунду воцарилась звенящая тишина. Даже свечи словно затаили дыхание, перестав мерцать. Видимо, от меня не ожидали такого ответа. А зачем тогда вообще спрашивать? Или все это было задумано специально? Небольшие молоточки размеренно начали бить по вискам, и я ощутила, как медленно нарастает головная боль. В такие моменты раньше помогало... что-то помогало, но воспоминание ускользает, как вода сквозь пальцы.

– А где же твои извинения за свой внешний вид и уверения, что лучше умереть, чем опозорить нашу семью?

– Наверное, там же, где и ваше чувство такта вкупе с человечностью. Хотя, сомневаюсь, что вы вообще слышали о такой добродетели, дорогая сестренка, – с громким звуком отставила приборы и встала с места. Замерзший бокал с треском раскололся, а осколки льда разлетелись по столу, сверкая как драгоценные камни. Наелась. Во всех смыслах этого слова.

Лавой внутри кипела злость, требуя немедленного выхода. Теперь и мать, и Розалин уже не казались такими красивыми. Внутренняя гниль оттеняла их миловидную внешность, делая ее приторно слащавой.

– Да как ты смеешь? – Розалин тоже поднялась со своего места и теперь прожигала меня гневным взглядом.

– Легко, – кинула салфетку на стол. – Я наелась, благодарю.

С гордо выпрямленной спиной шла к выходу, физически чувствуя, как мне в спину смотрят несколько пар глаз. С недовольством, с неприкрытой ненавистью, а одна – с неприкрытым исследовательским интересом.

Уже на выходе до меня долетели брошенные матерью слова:

– Ничего, недолго ей осталось в девках ходить.

Практически бежала по коридору. Встречающиеся на пути слуги опасливо расступались передо мной, не преграждая путь. Но даже они смотрели на меня с презрением и жалостью. Да что такое! Руки снова шупали одежду в поисках черного прямоугольника.

Ожидаемо заблудившись в длинных коридорах, где гобелены, кажется, следили за каждым моим шагом, неожиданно оказалась перед приоткрытой дверью. Сквозь щелку увидела, как солнечный свет отразился от чего-то блестящего.

Зеркало! То, что мне надо!

Ворвалась в небольшое помещение, больше похожее на склад ненужных вещей – здесь стояло много предметов мебели, накрытой белой тканью, расшитой красными нитками. Я увидела только очертания, но некоторые из них словно звали меня, особенно старинный сундук

в углу, покрытый морозными узорами. На зеркале тоже висела тряпка, но к моему счастью, она в какой-то момент съехала.

Подбежала к золоченой резной раме, обрамляющей зеркало. Замерла. Не могу дышать и как рыба открываю и закрываю рот. Отражение, к моему ужасу, делает то же самое. В неверии смотрела на лицо, которое повторяет за мной все движения.

– Нет, – в голове нарастал вязкий туман, поглощая сознание. Зеркало начало покрываться изморозью от моих эмоций. – Это не могу быть я.

6 глава

Елена

Я с ужасом всмотрелась в зеркало, не в силах поверить своим глазам. Бледное изможденное лицо, словно высеченное из мрамора каким-то безумным скульптором. Бесцветные тонкие губы, сомкнутые в горькую линию. Брови непонятной формы. Но страшнее всего то, что половина лица сдвинута вверх, искажая черты до неузнаваемости, а через него проходит уродливый шрам. Будто кожу разрезали, а потом сшили наспех.

Закрыла глаза и попыталась привести дыхание в норму. Не верю, что это я! В памяти всплыл образ совсем другой меня – не красавицы, но и не такого чудовища.

– Нет, нет, – в отчаянии замолотила кулачками по зеркалу. – Это какая-то ошибка. Это не могу быть я!

Осев на пол, обхватила колени руками. Тусклый свет пробивался сквозь пыльные занавески, рисуя на полу причудливые узоры. Вокруг лишь гнетущая тишина, нарушаемая едва слышным тиканьем часов да моим прерывистым дыханием. Никто меня не ищет. Матери не нужна, а служанкам и подавно все равно. Чувствую, что исчезни я навеки в этой комнате, никто и не заметит.

На краю сознания настойчиво царапнула мысль, что я ошибаюсь, но прогнала ее прочь. Хотелось утонуть в жалости к себе, и я позволила себе еще немного побыть слабой.

– Так, соберись, Хел, – с неожиданной решимостью я посмотрела на свое отражение. – Кем бы ты ни была, я не позволю им растоптать тебя. В конце концов, не внешностью единой...

В голове вспыхнул образ немолодой женщины с необычным золотистым блеском в глазах и светящимися изнутри седыми прядями. Она улыбалась, словно одобряя мои мысли. На мгновение даже почудилось ободряющее похлопывание по спине. Странно, почему она кажется такой знакомой?

Встряхнувшись, вернулась к себе, сжимая в руках небольшой сверток, содержимое которого может изменить многое. Нашла его в комнате в сундуке. Меня так и тянуло к нему. Пока не открыла и не перерыла все содержимое, не успокоилась.

Так же решила обследовать комнату. Может, найдется что-то, способное пролить свет на происходящее? В шкафах, как и ожидалось, пусто – лишь несколько унылых платьев коричневого и серого цветов из грубой ткани, пара простых туфель и перчатки.

– Негусто, – со злостью захлопнула дверцу и замерла в испуге.

Где-то в доме скрипнула половица, но никто не спешил проверить источник шума.

– Значит, можно немного пошуметь, – выдохнула спустя несколько минут напряженного ожидания.

Стол и ящики тоже не порадовали – только потрепанная книга для вечернего чтения.

Раздраженная бесплодными поисками, плюхнулась на жесткий матрац.

– Нет, ну на таком же спать невозможно, – пробормотала себе под нос и, повинувшись внезапному порыву, приподняла эту пыточную конструкцию. – Вот это да!

На полозьях кровати обнаружилась перевязанная бечевкой стопка писем. Именно то, что нужно!

Устроилась на полу, готовая в любой момент спрятать находку под кровать, и начала читать. Письма странные – без адресата и имен, словно кто-то просто изливал душу невидимому собеседнику. С каждой строчкой становилось понятно, что жизнь этой Хел, а теперь и моя, была несладкой. Презираемая всеми из-за уродства, она не знала ни любви, ни ласки.

Что-то внутри яростно противилось этой мысли – нет, меня любили!

– Ах, вот оно что, – наткнулась на единственное светлое воспоминание в письмах. Самое счастливое и одновременно щемяще-грустное.

«Дорогой папа, пишу тебе в надежде, что там, наверху, ты все же услышишь меня. Часто вспоминаю, как мы сидели вдвоем на берегу озера, того самого, где ты сделал мамушке предложение. И пусть ты скажешь, что я не могла этого помнить, знай – каждое твоё движение и слово в моей памяти навеки. Мне не хватает вас, но, признаться, больше горюю о тебе, нежели думаю о маман. Иногда жалею, что я родилась. Но не могу вместе с тем не думать о том, что не было у меня тебя – единственного родного и любимого человека на этом свете».

– Значит, хотя бы отец любил, – я спрятала подальше это признание. Не хочется, чтобы его видел хоть кто-то. Кажется, будто коснись кто другой этой бумаги – все будет испорчено.

Почерк в письмах казался пугающе знакомым, будто я сама их писала. Но это же невозможно, верно?

По урчанию в животе поняла, что пора бы подкрепиться. Раз за мной никто не приходит, что, наверное, и к лучшему, придется искать кухню самостоятельно. Может, не все слуги настроены враждебно к бедной страшной мне?

Иногда ловлю себя на том, что думаю о случившемся отстраненно, словно это происходит с кем-то другим. Может, так проще принять реальность? К удивлению, ноги сами понесли меня к кухне, как будто тело помнило дорогу.

Кухня встретила меня теплом и уютом – светлое помещение с потертыми деревянными столами и внушительной каменной печью. Под полками покачивались пучки ароматных трав, наполняя воздух пряными запахами. На разделочной доске заметила какие-то странные темные клубни, припорошенные землей.

– Хелен! – неожиданно меня заключили в крепкие объятия.

7 глава

Елена

Подняла глаза и увидела сухонькую старушку с добрым морщинистым лицом.

– Как же я давно тебя не видела, дай-ка полюбуюсь, как выросла!

Она бережно покрутила меня из стороны в сторону, и я с удивлением заметила, что в глазах старушки не было ни капли отвращения или жалости – только искренняя любовь. Так смотрят на любимых детей... Няня? Неужели среди всех этих холодных людей у Хел был кто-то по-настоящему родной?

– Ох, задавите, – осторожно выбралась из объятий, стараясь не спугнуть.

– Да что же это ты? – она удивленно посмотрела на меня. – Имя, что ль, забыла мое? Давай еще раз, помнишь, как я тебя учила в детстве? Гертруда и на ты. Негоже мне выкать.

– Да-да, конечно, Гертруда, я случайно, – не хотелось расстраивать старушку и говорить ей, что совсем не помню ни своего детства, ни ее имени.

Живот снова издал жалобный протяжный звук, который невозможно скрыть посторонними шумами.

– Ах, ты ж голодная, а я тут стою не нарадуюсь! – взгляд женщины метнулся по столам.

– Раз Ошы нет, давай уж я тебе молочка подогрею, чтобы немного живот унялся. Да и другие куда запропастились? Неужто хозяйка дел навесила, что все в заботах?

– погоди, а это что такое? – я указала на лежащие на столешнице клубни.

– А, так это его светлость Александр Норт прислали. Говорят, по приказу самого императора из стран заморских да кораблями привезли. Только вот, – Гертруда пожалала плечами, – что делать-то с этим не знаем. Зеленъ еще где-то была, в салат, наверное, порезали.

Оценила заморский то ли фрукт, то ли овощ. На вид картошка обыкновенная, хотя, может, здесь и название другое, кто ж знает. Интересно, а зачем ботву на салат? Откуда-то знаю, что ее не едят.

– Так давай приготовлю, я мигом.

Под удивленным взглядом Гертруды я взяла нож и осторожно счистила тонким слоем коричневатую кожуру. Клубни оказались светлыми внутри, с легкой желтизной. Черные точки-глазки старательно выковыряла кончиком ножа – откуда-то знала, что так правильно. Еще раз промыла в холодной воде, любуясь, как струйки воды смывают остатки земли.

– Теперь нарезать тонко, – пробормотала себе под нос, ловко орудуя ножом. Под нужным углом нарезала картофель дольками, превращая его в аккуратные ломтики.

Чугунная сковорода нагрелась на огне. Налила на дно подсолнечное масло – совсем немного, буквально четверть пальца. Добавила кусочек сливочного, и оно тут же начало таять, наполняя кухню ароматом. Когда масло едва заметно задымилось, аккуратно выложила первую порцию картофеля.

– Слышишь, как шипит? – я повернулась к Гертруде. – Это значит масло достаточно горячее.

Картофель уложила ровным слоем, стараясь, чтобы ломтики не накрывали друг друга. Немного посолила, буквально щепотку. Ну а дальше стала ждать, пока нижняя сторона подрумянится до золотистого цвета, иногда заглядывая под край деревянной лопаткой, тихо напевая какую-то мелодию себе под нос.

– Подай, пожалуйста, чеснок и луковицу, – попросила Гертруды, не отрывая взгляда от сковороды.

Лук нашинковала тонкими полукольцами, а чеснок мелко порубила. Когда одна сторона картофеля приобрела нужный цвет, ловко перевернула каждый ломтик. Добавила лук – он тут

же начал скворчать и пускать сок. Через несколько минут бросила измельченный чеснок – его нельзя было пережарить, иначе стал бы горьким.

– Теперь главное – не торопиться, – объяснила замороженно наблюдающей Гертруде. – Пусть томится на медленном огне.

Когда вторая сторона тоже подрумянилась, а лук стал мягким и золотистым, сняла сковороду с огня. Аромат плыл по кухне умопомрачительный – пряный, с нотками чеснока и лука.

С удивлением поняла, что когда дело дошло до готовки, мои руки словно начали жить собственной жизнью. Движения были уверенные, точные – тело помнило то, что забыл разум. Каждое действие отзывалось внутри теплым чувством чего-то привычного и домашнего.

Гертруда наблюдала за мной с восхищением. А я на миг забыла, кто я и где нахожусь. Сейчас я была просто женщиной, готовящей обед для близкого человека.

Откуда эти навыки? Почему готовка кажется такой естественной для высокородной леди?

– Ох ты ж, вкусно-то как! – Гертруда с наслаждением попробовала золотистые хрустящие ломтики. – Никогда такого не ела! Уважила старуху!

Я улыбнулась, глядя, как она посыпает блюдо укропом. Сначала старушка смотрела на мои эксперименты с сомнением – мало ли что взбредет в голову господам, пусть даже и нелюбимым. Но теперь она смотрела на меня с нескрываемым восторгом.

Вернулась в свои покои с легким сердцем. Разговор с Гертрудой оказался невероятно полезным – теперь я знала хоть что-то о своей семье. Отец умер еще в детстве, мать вышла замуж повторно, но снова овдовела. Есть брат и сестра.

С горечью вздохнула – а толку-то от них? Судя по тому, как меня встретили утром, рассчитывать на семью не приходится.

Проходя мимо кабинета, уловила свое имя в чужом разговоре. Не в силах пройти мимо, я замерла у приоткрытой двери, спрятавшись за тяжелой портьерой. Может, удастся узнать что-то еще о своем положении в этом странном доме?

8 глава

Елена

Я вся превратилась в слух, даже дышать старалась через раз. По спине пробежался неприятный холодок, когда различила голоса матери и сестры за тяжелой дубовой дверью гостиной.

– От герцога пришло официальное предложение о помолвке.

– Ох, наконец-то, – Розалин выдохнула, и я живо представила, как она жеманно заламывает руки, поправляя свои идеально уложенные локоны. – Я уж было подумала, что не бывать мне его невестой.

Я прижалась к двери, стараясь не зацепить подолом платья из грубой ткани стоящую рядом вазу.

– Мы достаточно много вложили в эти отношения, так что теперь можно с уверенностью сказать, что это окупится сполна.

– А что с этой делать?

Ладони сжались в кулаки так, что ногти впились в кожу. Под «этой» они явно подразумевают Хел, то есть меня. Желчь подкатила к горлу. Вот мегеры! И что сделала им бедная я? Хоть память и молчит, я всем нутром чувствую, что не такой монстр, каким они хотят меня выставить. В голове промелькнула картинка, как я опрокидываю на белоснежное платье Розалин бокал красного вина. Губы сами собой растянулись в злорадной усмешке.

– Граф Оттомберг согласился взять ее в жены.

– Он что, слеп, как крот? – заливисто рассмеялась Розалин, и звук ее голоса отразился у меня в висках противной пульсацией. – Она ж и на ощупь, наверное, отвратна.

– Роза, детка, она же твоя старшая сестра.

Шелест шелковых юбок и звон чайной посуды заглушили на миг их разговор. Мне показалось, или я услышала нотки сочувствия в словах матери? Прислонившись лбом к прохладной деревянной панели, попыталась унять внезапно накотившую дурноту.

А затем из комнаты раздался еще более залиvistый смех обеих.

– Ну да, как же, – пробурчала себе под нос, мысленно четвертуя змеюк с особой жестокостью. Воображение нарисовало, как «случайно» роняю на голову сестрицы тяжелую вазу с верхней полки. Излишней добротой я точно не отличаюсь. Или нет?

Пока я предавалась кровожадным фантазиям, снова раздался голос матери:

– Кевин любезно согласился дать приданое для Хел. Готов на все, лишь бы жениться на тебе.

Звук отодвигаемого кресла заставил меня вздрогнуть. Тяжелая парча штор колыхалась от сквозняка, и по коже бежали мурашки.

– Хочу, чтобы она уже съехала от нас! – Розалин чуть ли не сорвалась на крик, и я представила, как ее холеное личико идет красными пятнами от злости. – Надоело смотреть на это уродство! Да и тебе проще будет – нахлебница уйдет. А там, глядишь, и сгинет где-нибудь. И никто и не вспомнит, что у меня сестра была.

– Не учи меня, – со сталью в голосе оборвала ее мать. Я услышала, как каблуки ее туфель гневно простучали по паркету. – Не для этого мы потратили столько сил, чтобы оплошать на последнем этапе.

– А Оттомберг какой? – в голосе сестры появились медовые нотки. – Не хочу, знаешь ли, чтобы ей достался кто-то приличный.

– Пфф, – мать громко стукнула ладонью по столу, заставляя подпрыгнуть чайные чашки. – Он объездил столько кобыл и приручил столько сук, что и с этой справится.

К горлу подкатила тошнота, а в ушах начало звенеть. Пошатываясь, отступила от двери. Старые половицы предательски закрипели под ногами, и я замерла, боясь быть обнаруженной за таким постыдным, но полезным занятием.

Поднялась на второй этаж, цепляясь за перила. Потертый ковер заглушал шаги, а пыльные портреты предков неодобрительно косились со стен. В своем выцветшем сером платье я похожа на привидение, особенно на фоне богатой обстановки дома, который не могу назвать родным.

Мысли путались. С предстоящим замужеством надо что-то делать. Судя по тому, что я увидела в зеркале, этот граф берет меня в жены не из-за большой любви. А фраза матушки про укрощение так и вовсе вызывает дрожь омерзения. Жить-то я, может, и буду, но вряд ли счастливо. Да и не факт, что долго.

«Так, и где же мне узнать про свадебные ритуалы?» – раздумывала, машинально теребя потрепанный рукав платья.

Библиотека встретила меня уютным полумраком и запахом старых книг. Тяжелые шторы приглушали дневной свет, создавая причудливые тени на корешках фолиантов. Массивный письменный стол красного дерева, заваленный бумагами, казался необитаемым островом в море книжных стеллажей.

Провела пальцами по шершавым корешкам книг, вчитываясь в названия. «Маркиза и садовник» привлекала буквами с золотистыми переливами. Щеки залил румянец, когда взгляд упал на весьма откровенную иллюстрацию на обложке – сразу видно, какие кусты он будет окучивать.

Среди этого буйства герцогинь, графинь и вышеупомянутых маркиз кое-как нашла нужный стеллаж. Ноги гудели от долгого стояния, а в горле першило от пыли. Старая стремянка угрожающе поскрипывала подо мной, пока я тянусь к верхним полкам.

– Ну где же ты? – сощурившись в полумраке, пыталась разобрать названия. От напряжения начало ломить виски. – Ага, вот ты и попался!

С какой-то детской радостью достала томик семейного кодекса под номером один, надеясь, что там будет то, что мне нужно, так как такого же с номером два здесь нет. Устроилась в потертом кожаном кресле у окна, подтянув под себя ноги в стоптанных туфлях. Солнечный луч, пробившийся сквозь щель в шторах, осветил пожелтевшие страницы.

С первых же строк желудок сжался в тугой комок. Жена здесь человек бесправный. Правильнее даже будет сказать – существо. Пальцы нервно комкали край страницы, пока глаза бегали по строчкам. Судя по написанному, заявление на бракосочетание подавалось в канцелярию по месту жительства будущей жены. И невеста, и жених заполняли каждый свое.

– Так-с, что тут у нас? – пробормотала себе под нос, массируя затекшую шею. Продираться сквозь дебри заковыристых формулировок было тяжело, но страх перед будущим заставлял перечитывать каждое предложение по несколько раз.

В глазах рябило от мелкого шрифта. Откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Перед мысленным взором встал образ графа Оттомберга – наверняка какой-нибудь самодовольный старик с брюшком и масляным взглядом. По телу пробежала волна отвращения.

Сделала глубокий вдох и вернулась к чтению:

«Заявления простых людей рассматриваются в упрощенном порядке в канцелярии, и затем их отдают на подпись старосте».

Пальцы нервно барабанили по подлокотнику – это не то. С аристократами дело обстояло сложнее. Если брак барона и графа мог подписать главный специалист с допуском первого уровня, то меньше всех повезло герцогам и императорам. Один подписывал разрешение на брак другим.

«Вот оно им надо? Хотя, – я задумалась, – точно необходимо. Вдруг герцог решит на ком-то неподходящем жениться? Весь генофонд коту под хвост. Непорядок!»

По итогу прочитанного суть оказалась проста. Разводы здесь предусмотрены. Бюрократия процветает, а бедные вельможи вынуждены проводить дни и недели в ожидании принятия решения и оглашения результата на свои прошения.

Где-то на задворках сознания мелькнуло: «Впрочем, как и у нас...»

А где находится это «у нас» – до сих пор непонятно.

Уже в коридоре решила еще раз заглянуть в комнату с зеркалом, меня незримо тянуло туда, и тело словно само собой двигалось в нужном направлении. Ненадолго задержалась взглядом на своем отражении, впитывая каждую черточку, каждую морщинку и изгиб. Внезапно меня привлекло слабое свечение из сундука. В прошлый раз мне было не до него. Сейчас решила исправить ситуацию.

От старинной вещицы веяло холодом и морозной свежестью. Но это не оттолкнуло меня, даже наоборот. Я смело потянулась к медной ручке и открыла. Сразу же зацепилась взглядом за неприметный на первый взгляд сложенный пополам лист. Открыла и замерла.

– Вот это поворот! – чуть ли не подпрыгнула от радости. – Скрыга Мэри, да ты полна сюрпризов. Вот это мне повезло с тетушкой!

К себе вернулась, когда за окном стемнело и замерцали звезды. В комнате меня дожидался одиноко стоящий таз с холодной водой и стакан такого же холодного молока на ночь.

После нехитрых процедур легла на кровать и закрыла глаза. День вышел сумбурным и странным, но довольно интересным. Мысли роились клубком. Всем нутром чувствовала, что надо избежать навязанного брака.

Зацепилась за первую же мысль – сбежать! Уйти прочь из этого дома. Оставался вопрос – как? Про «куда» я пока даже не думала, хотя, надо бы, но время поджимало. Чувство, что меня затягивает в паутину в роли наживки не отпустило даже когда я проснулась. Но зато за ночь хаос в голове упорядочился, и теперь у меня был какой-никакой план действий.

9 глава

Елена

Утро началось с бухтения служанки о том, что я слишком долго сплю. Еще не до конца придя в себя после услышанного вчера, я решила, что пора завязывать с такой несправедливостью. Раз уж я дочка и не абы кого, а целой маркизы, то могу себе позволить чуточку больше.

– Ты дверью ошиблась? – резко одернула одеяло из грубой ткани и потянулась.

День-то и правда выдался солнечный и теплый. Сквозь витражные окна особняка струился свет, играя золотистыми бликами на темном дубовом полу. Кольнула мысль, что мне еще повезло, что я не живу в каком-нибудь чулане или на чердаке. Видимо, до такого унижения матушка не додумалась.

Служанка в удивлении застыла, так и держа в руках медный тазик с водой. На ней было традиционное для прислуги строгое серое платье с белым передником, туго затянутое на талии.

Видимо, Хелен здесь и впрямь не уважают. Нет, вначале я хотела молчать, вплоть до исполнения своего плана. Но было одно но! Как скоро я смогу выполнить все задуманное, неизвестно, а быть грязью под ногами просто не хочу. Хватило случая с сестрой и парнем. Тьфу на них!

«Так, стоп! – осознание пришло внезапно. – Какой парень? Почему я о нем сейчас вспомнила? Он как-то связан с Розалин?»

Смутные воспоминания всплыли в голове – высокий темноволосый красавец, которого я видела в объятиях сестры, хотя знала, что он встречался со мной.

Решила отложить мысль на потом, сейчас надо разобраться с прислугой.

– Молчишь? – посмотрела прямо в наглые глаза девушки. Заметила, как бегают взгляд, а шестеренки в голове крутятся в поисках ответа. Что победит: ее ненависть к уродине или здравый смысл?

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

«Ох, ну вот хотела же по-хорошему», – вздохнула я и подошла ближе.

Лучи солнца наконец осветили меня полностью, и я заметила, как служанка едва заметно поморщилась, глядя на мое лицо. Она явно хотела отшатнуться, но под строгим взглядом не решилась сделать и шага.

– Поставь сюда, – я удовлетворенно кивнула.

Девушка поставила таз на табурет и отошла назад.

Я опустила палец в таз с водой. Так и думала – еле теплая.

Умываться, как вчера, холодной? Внутри заскреблась обида. За что? Судя по внешности и отношению родственников, меня и так держат в «черном теле», так еще и прислуга, судя по всему, отыгрывается за свои обиды на мне.

Отодвинула посудину от себя, показывая, что не буду ею пользоваться.

Служанка посмотрела на меня с удивлением. Не привыкла, что я могу перечить?

Глядя прямо мне в глаза, она пододвинула его обратно. С усилием, совершенно здесь ненужным. Табурет пошатнулся, таз накренился и тут же перевернулся, облив девушку водой, а затем с грохотом упал. Капли разлетелись по голому полу, на котором не было даже ковра.

– Когда будешь набирать новую, проследи, чтобы она была теплой, – проговорила как ни в чем не бывало и уселась за деревянный столик, на котором лежала расческа. Свои три волосинки после такого я ей точно не доверю.

Девушка посмотрела на меня с удивлением, смешанным с ужасом. Явно не такого приема с утра она ожидала. Опустилась на пол, чтобы поднять таз:

– Как скажете, госпожа.

На завтрак в итоге спускалась довольная. Может, мать и выскажет что-то, но морально я готова. Внутри горел огонь непослушания и бунтарства. Но, как оказалось, готова я была не ко всему.

Как только я вошла в залитую солнцем столовую с высокими потолками и хрустальными люстрами, сразу же наткнулась на радостный взгляд сестрички. Розалин, эта прекрасная фея с идеальными чертами лица – полная противоположность нескладной Хелен.

Внезапно вспомнился еще один фрагмент прошлого: все восхищаются красотой Розалин, в то время как я... вернее, Хелен всегда остается в тени.

Помимо воли, все внутри похолодело, а внутренности словно скрутило узлом. Не к добру этот взгляд, ох, не к добру.

– Доброе утро, Хел, – ее голос пригвоздил к полу на мгновение. – Ты задержалась.

– У нас на удивление нерасторопные слуги, матушка, – с гордым видом уселась на свое место я, чувствуя шероховатость резного деревянного стула.

Говорю, а сама замираю. Еще вчера я бы просто поздоровалась и пожелала хорошего дня. Но сегодня слова лились так легко и правильно.

– Думаю, вы платите им слишком много в нашей непростой ситуации.

В голове мелькали обрывки информации о том, что семья маркизы переживает не лучшие времена. После смерти отца титул сохранился, но состояние стремительно таяло.

– Не твоего ума дело, сколько я плачу им, – резко оборвала меня мать, высокая статная женщина с таким же благородным лицом, как у Розалин, но с жесткими складками у губ.

– Твой жених здесь! – выпалила Розалин, прежде чем я успела разложить салфетку на коленях. В ее глазах плясали огоньки триумфа и предвкушения.

Я замерла. Сглотнула, переваривая новость. Так вот оно что!

– Что же вы не предупредили? – смело посмотрела в глаза сестре, отчего та перевела взгляд на матушку. – Я бы надела свой лучший наряд и попросила прислугу сделать мне прическу. Негоже ведь перед будущим супругом некрасиво выглядеть.

Сегодня на мне было очередное мерзкое неудобное платье цвета болотной тины, с высоким воротником, который делал меня еще страшнее, хотя, куда уж больше. Ткань жесткая, колючая, совсем не похожая на легкий шелк, облегающий фигуру Розалин. Волосы уложены в тугий низкий пучок, отчего мое лицо казалось непривычно круглым.

– Не паясничай! – мать стукнула кулаком по столу с такой силой, что серебряная посуда с фамильным гербом зазвенела.

– А что вы сделаете? Выдадите меня за мерзкого толстого урода замуж? – я сделала глоток чая и тут же закашлялась, потому что в столовую вошел мужчина, как никто другой попадающий под это описание. И судя по взбешенному взгляду, мое мнение о себе он расслышал довольно четко.

10 глава

Елена

Поначалу хотела сказать, что все не то, чем кажется, и я вовсе не это имела в виду. А потом здравая мысль отрезвила – с какого это я должна хоть что-то объяснять? Меня буквально продают этому... хрычу, а я же еще и извиняться буду? Ну уж дудки.

Подняв голову, посмотрела на мужчину не моргая. Перед ним не забитая Хелен. Не ожидавший такого от меня, он поначалу глядел с презрением, но не получив той реакции, на которую рассчитывал, обратил взор на матушку.

– Леди Маргарет, – теперь его пороссячи глазки смотрели прямо на мать. – Я, конечно, наслышан о том, что у вас, скажем так, в семье есть проблемы, но чтобы все было настолько плохо, – он цокнул языком и покачал головой.

Фу! Я словно товар на рынке!

– Ох, мистер Оттомберг, – матушка натужно засмеялась, но в глазах застыл лед. Кому-то не поздоровится после трапезы. – Я бы не была так категорична. Уверена, вы сможете укротить нашу Хел и сделать ее образцом благодетели и примерной женой.

«Красиво говорит! – пронеслось в голове. – Это она так завуалированно назвала абьюзерство и тиранию? Интересно, откуда я знаю такие слова? Они кажутся чужими, но в то же время привычными».

– Боюсь, мне потребуется чуть больше ресурсов для этого, чем ожидалось, ваша светлость, – мой жених сделал глоток чая и потянулся толстыми пальцами, похожими на сардельки, за куском жирной ветчины.

Мать недовольно нахмурилась. Это он сейчас под предлогом моей проблемности попросил за меня больше денег, чем договаривались изначально?

– Наша семья окажет любое содействие, которое вам будет необходимо, – с трудом выдавила из себя Маргарет.

– Но, матушка... – начала было Розалин, но под строгим взглядом матери тут же стушевалась.

– Я рад, что мы пришли к договоренности, – с удовлетворением кивнул граф и с предвкушением посмотрел на меня.

Да уж, такого ничем не пронять. Разве только узнать, на что у него аллергия, и стать безутешной вдовой. Но вряд ли получится. Где такой, как я, найти нужные связи и взять ресурсы?

Дальше трапеза продолжилась в обычном режиме. Родственники вели непринужденный разговор, периодически бросая на меня недовольные взгляды. Интересно, в какую копеечку им обошлись мои слова о женихе? Хочется думать, что в довольно большую.

– Граф, – матушка протянула ему руку и, еле заметно поморщившись, сжала ладонь. – Я думаю, нам стоит обсудить детали в кабинете. Я прикажу прийти Хел чуть позже, когда мы подпишем необходимые документы.

– Довольна? – как только я перестала слышать шелест подола матери, ко мне подскочила Розалин.

– Интересно, чем? – я поднялась из-за стола. – Тем, что этот ходячий холестерин помрет раньше, чем мне исполнится тридцать? Если ты об этом, то да, вполне.

– Ты... ты... – не привыкшая хоть к каким-то ответам сестры, брюнетка в бессильной злобе сжимала и разжимала кулачки.

– Да я поняла уже, что я, – обошла ее по дуге. – Если тебе больше нечего добавить, то мне пора.

– Оливия, ты слышала? – сестра бросилась искать помощи и поддержки у подруги, которая была свидетелем этой некрасивой сцены.

– Ох, Роза, – та, недолго думая, подбежала и обняла сестру. – Как тебе тяжело здесь приходится! Я так сочувствую тебе.

Вскинув бровь, я с удивлением смотрела на эту холеную брюнетку, румянец которой просто кричал о том, что она катается как сыр в масле. Невольно сравнила со своим болезненным внешним видом ее – пышущий здоровьем.

– Милая Оливия, вас не тошнит? – я вложила в голос максимум заботы и сочувствия, на которую сейчас способна.

– Н-нет, – удивленная моим вопросом, рыжая девушка даже перестала поглаживать по голове Розалин. – А что такое?

– Столько притворства и лести могут кого угодно довести до приступа рвоты. Вы бы подумали об этом. Все же истинная цель любой женщины нашего королевства – быть услугой для глаз мужа и его опорой. Так, кажется, писал Годрик четвертый в своих мемуарах?

Под удивленные взгляды я вышла из столовой и направилась к себе в комнату. Скоро матушка пришлет служанку за мной, чтобы подписать договор с графом. Да, я в курсе, для чего он приехал, и что долгих расшаркиваний с его стороны можно не ждать. Я – товар, да еще и с бонусом в виде денег, он – покупатель, который не станет откладывать в долгий ящик возможность поправить свое положение.

Так и вышло. Когда служанка привела меня в кабинет матери, все уже было решено. В кабинете было холодно, и душил спертый воздух. Показалось, будто я попала в склеп. Тяжелые шторы, еле пропускающие солнечный свет, массивная мебель из темного дерева и повсюду книги с золотыми корешками. Но никакого уюта, даже с учетом того, что все светильники горели. В воздухе витало напряжение и вместе с этим – как будто удовлетворение.

На столе я заметила два развернутых свитка и белоснежное перо в чернильнице.

– Хел, – мать скривилась при взгляде на меня. Я не граф, чтобы она скрывала свое отвращение за жеманством. Мне, как родной дочери, можно показать и истинное отношение. – Граф любезно согласился взять тебя в жены и сделать так, чтобы ты более ни в чем не нуждалась.

– Так мило с его стороны, – без разрешения я уселась в кресло прямо напротив него.

Пороссячьи глазки тут же впились в шрам на моем лице, беззастенчиво его разглядывая. Линия пересекала щеку и уходила к виску.

– Особенно после того, что он о себе услышал. Бесспорно, мне повезло. Такой отходчивый мужчина, это просто дар богов.

– Хелен, – мать говорила медленно, четко произнося каждую букву моего имени.

– О, уверена граф не в обиде. Он же, как-никак, смотрит иногда в зеркало, в отличие от меня.

– Так, все! – мать, не выдержав, сунула мне в руки свиток.

Боится, что я наговорю еще на несколько золотых?

– Подписывай!

Специально долго вчитываюсь в стандартный текст документа. Ну хотя бы здесь мать не стала юлить. Образец был в своде законов, и я выучила его практически наизусть. «Такой-то берет в жены... имя и фамилия. Дата, подпись». Ничего критичного.

– Подписывай! – сорвалась на крик Маргарет, когда я в третий раз вернулась к началу текста.

Деваться некуда, и я поставила подпись. Писала неуклюже в надежде, что будет трудно прочесть. Но для матери это было неважным. Как только перо закончило движение, она вырвала пергамент и жадным взглядом пробежалась по строкам.

– Ну вот, граф, – довольно улыбнулась удачно заключенной сделке. – Сегодня же отдам документы в канцелярию. Думаю, их рассмотрят быстро. Неделя, не более. Так что забрать жену сможете уже в следующий вторник.

– С вами приятно иметь дело, – пожал ей руку мой теперь почти уже муж. – Хел, – обратился ко мне, – я буду очень рад видеть вас у себя дома. Обещаю, вам понравится.

От его слов меня бросило в дрожь, и ладошки сразу стали мокрыми от пота. Громко сглотнула. Шрам на щеке пульсировал жаром, предупреждая об опасности. Тон графа не предвещал совсем ничего хорошего. И в том, что мне понравится, тоже есть сомнения. Скорее, понравится ему.

– Хел, – мать смотрела на меня исподлобья. – Я прошу тебя не делать глупостей. Во имя Розалин и всей нашей семьи. Веди себя благоразумно.

Захотелось рассмеяться. Это она сейчас мне так тонко намекнула, чтобы я не смела выходить из комнаты в окно третьего этажа? Да как бы и в планах не было. Но я просто люблю жизнь. А вот чем руководствуется эта странная женщина? Я должна забыть их ко мне отношение и все простить?

Вслух же произнесла совсем другое:

– Я самый трезвомыслящий человек в этом доме, матушка. А теперь, – поднялась с кресла, подбирая серый подол своего «великолепного» платья, – мне пора идти. Надо начинать собирать вещи.

Мать кивнула, даже не подумав о том, что у меня всего несколько платьев и нет личных вещей. Ее мысли уже были заняты другой дочерью. Я же практически вбежала к себе, запирая дверь изнутри. Пора готовиться к побегу!

11 глава

Елена

Ожидаемо вещи собрала быстро – пара платьев легко уместились в небольшую сумку. Удивительно, что у меня вообще было хоть что-то в шкафу. Теперь финансы. Как ни при-
скорбно это заявлять, но с деньгами у меня туго. Опущу тот факт, что наличности в комнате я не нашла. А про украшения, которые можно заложить, и думать не стоило – пусто.

– Да уж, Хелен, – прикрыла глаза, собираясь с мыслями. – Интересно, если я возьму у матери немного, это будет воровством?

Совість грызла меня совершенно бессовестно, и я терзалась сомнениями, молча уставившись в стену.

– Но если по документам я все же член семьи, значит, и деньги частично принадлежат мне? – да, дилемма. Но не может же быть так, чтобы у меня совсем не было украшений? Вон Розалин с ног до головы увешана побрякушками. Значит, по статусу и мне положено. – Так, ну если совсем быть честной, то и замуж надо выходить, как приказала матушка.

Решив, что надо либо во всем слушаться и быть примерной дочкой, либо взять свою жизнь в свои же руки, я направилась к выходу.

По коридору кралась тихо, вздрагивая каждый раз от скрипа половиц.

– Нет, – приложила руку к груди, пытаюсь успокоить биение сердца. – Так ты быстрее приступ заработаешь, чем деньги найдешь.

Постояла несколько минут и с новыми силами двинулась вперед. Кабинет матери на мое счастье оказался не заперт. Лунный свет падал в окно и освещал идеально чистую поверхность стола. Я подергала ящики, которые ожидаемо были закрыты.

Хотела было уже уйти отсюда и отправиться в путь налегке, как внезапно уловила еле заметное сияние от одной из картин. Еще раз оглянулась на окно – свет шел не оттуда. Значит... магия? Хотя на самом деле мне было все равно. Все, чего я желала – убраться отсюда побыстрее, желательно с деньгами на ближайшее время.

– Так, что тут у нас? – недолго думая сняла картину с гвоздика. Под ней оказалась небольшая ниша, к моему удивлению ничем не прикрытая. – Неужели удача наконец-то повернулась ко мне передом?

Протянула руку и сразу же уперлась во что-то твердое и звонкое.

– Есть! – судя по весу, я стала обладательницей... Задумалась и приоткрыла мешочек. Там были и серебряные монетки, и медные. А потом заметила еще один. Одновременно с этим, на пол упал какой-то лист.

– Ага! – взгляделась в витиеватые строки. – Значит слугам тот, что поменьше, здесь судя по всему медяки, да пара серебряных.

Пробежалась по строкам дальше. Судя по написанному, жених Розалин Кевин вполне неплохо вложился в мой будущий брак. Судя по цифрам, тот мешочек, что тяжелее и был моим приданным.

– Раз это деньги мне на свадьбу, то тогда и совесть будет чиста. Хотя... странно, что хранят их вот так вот в мешочках, а не на карточках.

Поняла, что снова сказала какое-то незнакомое слово. Да и видеть монеты было странно. Казалось неправильным, что они вот так лежат без присмотра. Надежнее на карточке или в банке.

– Да уж, так и с ума сойти недолго.

Спрятала во внутренний карман добычу и повесила картину на прежнее место. С нее на меня смотрел беловолосый мужчина с теплым взглядом. Морщинки сеточкой оплетали его глаза. Добрый. Честный. Глянув на него еще раз, я осторожно вышла из кабинета.

Трудно планировать побег, когда все вокруг кажется странным и незнакомым. Но, кажется, я справилась. Когда на цыпочках проходила мимо комнат прислуги, к черному входу, то молилась всем неизвестным богам, чтобы «шалость удалась». Перед самым порожком, ведущим на свободу, остановилась и замерла, прислушиваясь к звукам. На секунду показалось, что слышала чье-то облегченное дыхание. Будто бы само это место ждало, когда я уйду. Сожалела о том, что не смогла попрощаться с Гертрудой, но нянюшка могла испортить весь мой план. Почему-то я была уверена, что мою идею уйти в никуда она восприняла бы в штыки. Порой старое зло лучше нового. А пожилая женщина казалась мне именно такой – страшящейся всего неизвестного. Решила, что напишу ей потом, как все образуется. Держать в неведении о том, как я живу, не собиралась, но и говорить раньше времени было бы глупо.

Улица встретила меня уханьем совы где-то вдалеке да стрекотом сверчков. Трава шелестела от порывов ветра, а может, это был еж на ночной охоте за мышами.

Здраво рассудив, что с утра по дороге поедут телеги на базар да в город, решила идти вдоль нее. Надо было продержаться всего пару часов, а потом уже и солнце начинает вставать. Главное, не сесть в свою же телегу, хотя из перешептываний прислуги я поняла, что в город мать отправляет за покупками через день, так что шанс встретиться с кем-то из дома Эверли был мал. Но рисковать все равно не хотелось.

Поначалу я шагала резво, адреналин подскочил настолько, что даже тени, притаившиеся в лесу справа от меня, не были мне помехой. Я бодро шла, весело напевая про себя какую-то мелодию.

Слов не понимала совсем, но произнося очередную строку, ощущала себя непобедимой и несломленной. Да, это странное чувство победы, когда идешь одна по темноте практически среди леса.

Спустя примерно час-полтора мой запал на самостоятельную взрослую жизнь начал угасать. Ноги болели и, скорее всего, уже начали кровоточить от мелких камушков и корней деревьев, которые прекрасно ощущались сквозь тонкую подошву. Да и довольно легкое домашнее платье, пусть и под плащом, явно не годилось для долгих пеших прогулок. Меня уже начинал бить мелкий озноб – становилось довольно прохладно, особенно у кромки леса. А еще вдобавок мне стали мерещиться то звуки приглушенных шагов, то хруст веток из глубины тьмы.

Поэтому, когда я среди этой какофонии у себя в голове распознала звук телеги и колес, то счастью моему не было предела.

Остановилась и притаилась за деревом, положив мешок с пожитками на землю. Руки тоже устали. И это еще у меня вещей было мало. Скрип колеса постепенно приближался, а когда я услышала ржание лошади, то даже подалась вперед. Это был мой шанс. Я приготовилась сделать невозможное – всеми правдами и неправдами добраться до города именно с этими путниками.

– Ну, Хелен, давай! – подбодрила себя и выглянула из укрытия, чтобы тут же отпрянуть обратно.

12 глава

Елена

Вопреки моим ожиданиям, ехала не телега, а карета. Без герба и прочего. Выглядела довольно скромно. Решив, что сама я больше пройти не смогу и километра, практически выбежала на дорогу.

Сзади, как я и рассчитывала, у кареты был приступок, на который можно было залезть. Если бы карета ехала медленнее. Об этом я подумала, ощущая, как слеза бежит по щеке. Все зря. Я не успевала, а рассчитывать на то, что путник в карете позволил бы такой уродине, как я, составить ему компанию, и вовсе не стоило.

И тут мне повезло во второй раз, карета притормозила.

– Эхх, была не была! – сжала крепче свой кулек с пожитками и ринулась вслед замедлившейся карете. Пока она не набрала скорость, у меня были неплохие шансы успеть сесть на запятки.

Я не знала, почувствовал ли кто-то, как я плюхнулась на место, но на мое счастье никто не стал останавливать карету, чтобы проверить. Теперь у меня было время, чтобы перевести дух.

Подтянув ноги к себе, я уперлась в них подбородком и задумалась о том, как быть дальше. Впервые за несколько дней я ощущала себя не то чтобы хорошо, но появилось стойкое понимание, что это моя жизнь, и только я несу за нее ответственность. Да, как бы странно это ни звучало, в доме было иначе – все решалось за меня, а я не могла противостоять этому.

На руку неожиданно села маленькая коричневая птичка. Посмотрела своими черными глазами-бусинками и тут же умчалась обратно. Решив, что это хороший знак, я прикрыла глаза всего на минутку, чтобы открыть их уже на въезде в город.

– Ой, – я ошарашенно огляделась.

Пока я дремала (и как еще не упала на кочках), уже наступило утро. Первые солнечные лучи пробивались сквозь крыши домов и падали узорами на утопанные земляные дорожки. Вокруг ходили люди, удивленно разглядывая меня. Явно не каждый день такое увидишь. Дальше тут было опасно оставаться. Я надвинула капюшон, чтобы скрыть лицо, и спрыгнула с запяток.

– Черт! – тихонько выругалась про себя, когда край юбки за что-то зацепился. Меня чуть было не потащило за каретой, так сильно ткань зацепилась за вылезшую щепку. – Неужто на ремонт денег нет?

Рванула со всей силы и все же слезла с приступка. Правда, оставляя после себя довольно приметные следы пребывания – щепка откололась и теперь на ее месте зияла небольшая дыра.

– Ай, ладно, – махнула рукой и так и пошла по дороге.

Для начала надо было где-нибудь спрятаться и дожидаться отправления в нужное мне место. В свитке из сундука, из той самой комнаты с зеркалом, были подробные указания, куда идти и что делать. Тогда я решила, что писавший его думал, что я совсем глупая. Сейчас же была благодарна тому, как все было расписано.

Судя по тексту, который я нашла в сундуке, мне была нужна почтовая карета до небольшого городка севернее того места, где я находилась сейчас. Ехать надо было пару дней, и вот там-то меня точно ждала новая жизнь. Воскресила в памяти изъеденные временем строки и смело зашагала вперед в поисках таверны «Серый гусь». Благо, ее было видно издали – флюгер в виде того самого гуся весело крутился по ветру.

Здание было довольно большим – целых три этажа. Первый был отведен на обеденную залу и кухню, второй, скорее всего, под комнаты для гостей, ну и мансарда для самих хозяев. Белый камень здания местами пошел трещинами, а оконные рамы требовали покраски, но от «Серого гуся» исходила такая теплая аура, что ноги сами несли меня в нужном направлении.

Про то, что ветер доносил с той стороны такие ароматы, что текли слюнки, я старалась не думать. Как и о том, что в том же направлении скрылась и «моя» карета.

Проговорив про себя приветственные слова, направилась к серой неприметной двери, еле видневшейся сквозь заросли дикого винограда. Под громкий скрип давно не смазанных петель я прошла внутрь, чтобы сразу наткнуться на девушку в белом чепчике.

– Ой, прости, – я наклонилась, помогая ей поднять упавшие полотенца.

– Да ничего, лишь бы тетя Марта не увидела, а то заставит все перестирать, – она опасливо оглянулась по сторонам. – Так-то она добрая, но слишком уж порядочная.

– Обещаю, что не скажу ей, – положила последнее на стопку, – это будет наш секрет. А ты не знаешь, где я могу сейчас ее найти?

– Так на кухне, где ж еще. Она всегда в такую рань там, – девушка махнула рукой в сторону лестницы. – От нее налево, не заблудишься.

– Ага, спасибо! – девушка прощмыгнула в какую-то нишу, словно это была не небольшая таверна, а целый замок, и скрылась из виду. Я же поспешила в указанном направлении.

Чем ближе подходила, тем больше урчал живот:

– Ну-ка тихо! Не время пока, – шикнула я сама себе.

– Так, Берта, на тебе овощи, – зычный громкий голос разрезал тишину. – И смотри мне, – его владелица потрясла кулаком, – кубиками режь, а не дольками!

– Да помню я, помню, – пробурчала одна из работниц кухни.

Когда разговоры стихли, я перестала скрываться и осторожно постучала по косяку:

– Эммм, простите...

– Ты кто такая? – женщина в белом фартуке мигом развернулась и пробежалась по мне оценивающим взглядом. – Мы ничего не покупаем.

– Я не за этим... – не успела договорить, как меня снова перебили.

– И не продаем. И не подаем, – уперев руки в толстые бока, она направилась на меня.

Как-то уж слишком недружелюбно направилась, я бы сказала. Ну что, пойти с козырей и сразу сказать, кто я?

– Я от скряги Мэри, – выпалила я и зажмурилась, ожидая подвоха – прогонит или нет.

– Ха! – замерла тетя Марта на полпути. – Только самоубийца мог назвать ее скрягой, – она прищурилась, – а ты никак на нее не похожа.

Тетя Марта оглянулась на притихших и ожидающих развязки работниц. Еще раз посмотрела на меня и засмеялась.

– Вот уж не думала, что спустя столько лет услышу это прозвище! Заходи, не обидим, – она отошла в сторону, пропуская меня внутрь. – И накидку свою сними, мы не кусаемся.

Только я потянулась к вороту, как к нам вбежала растрепанная девушка, в таком же чепчике, как и та, которую я встретила при входе:

– Ох, – она глубоко дышала, – там такие гости! Попросят сытный завтрак. Но по меню у нас только каша, да и та на воде, корова-то у Горских полны наелась, молоко горькое все. Ох, беда-беда, – запричитала девушка.

– Да, задачка, – тетя Марта цепким взглядом оценивала заготовки в поисках нужного. – Вот принесла нелегкая!

– А яйца есть? Бекон? – справившись с застежкой, отбросила в сторону накидку.

В помещении на мгновение стало тихо – все молча уставились на меня. Но тетя Марта первая пришла в себя, наверное, сказались годы работы в таверне, явно она насмотрелась всякого.

– Беко... что? – переспросила она меня.

– Ну... – я задумалась. – Тонко нарезанное сало с мясными прослойками.

– Пф, – улыбнулась хозяйка таверны. – Этого у нас всегда много.

– Тогда дайте мне пятнадцать минут, и сытный завтрак будет готов!

– Ох, бедовая! – погрозила мне кулаком тетя Марта. – Смотри мне, коли гость недовольный останется, пять шкур спущу и не посмотрю на то, что Мэри знала.

«Вот и во что я вляпалась?» – думала я, разбивая яйца в миску.

13 глава

Елена

Первым делом поставила на огонь чугунную сковороду и положила на нее кусочек сливочного масла. Под удивленные и шокированные взгляды кухарок и тетушки Марты ловко положила кусок сала с прослойками мяса на разделочную доску.

– Надо же, – покачала головой женщина. – А я-то думала, что герцогини те еще бело-ручки. Умеют только вышивать, да сонеты сочинять.

– И такие есть, – усмехнулась я, представив, как Розалин спускается на кухню и начинает чистить картошку. Вряд ли бы хоть что-то попало в кастрюлю. – Но я скорее исключение, чем правило.

– Я бы даже сказала, что очень хорошее исключение, – заметила тетя Марта, глядя на то, как я нарезаю сало тонкими полупрозрачными ломтиками. – Как, говоришь, блюдо называется?

Она ни разу мне не выкнула, несмотря на мой статус. Но меня это не тревожило. Пусть уж лучше обращается ко мне на «ты», поправ статус, но относится хорошо. Вспомнила матушку с сестрицей, и меня передернуло от отвращения:

– Бррр...

– Замерзли что ль? – заботливо спросила одна из девушек на кухне.

– Да нет, вспомнила кое-что.

Пришел черед овощей: порезала сочащиеся соком помидоры на дольки и принялась за зелень. Ее резать не стала, а порвала прямо руками.

– А ну-ка, Анка, не мешай, – шикнула на нее тетя Марта. – Делом займись, а то и на корку хлеба не заработаешь так.

Я же, не обращая внимания на местные разборки, разбила несколько яиц в сковороду и убавила огонь, чтобы томаты не пережарились, а желток остался полужидким. Затем добавила несколько кусочков брынзы, правда, пришлось объяснить тете Марте, что это такое. Она ответила, что совсем недавно начали добавлять сычужный фермент и перестали термически обрабатывать продукт. А до этого использовали обычный сыр.

– А ты откуда про это знаешь? – прищурилась женщина, с каждым разом разглядывая меня все внимательнее.

– Не знаю даже, – пожала плечами. – В какой-нибудь книге прочитала, наверное, и запомнила. Не все же леди вышивкой интересоваться.

– Ну-ну, – женщина придиричиво осмотрела получившееся блюдо. Я как раз выложила все на тарелку: кусочки жареного бекона, яйца с томатами, посыпанные зеленью. А еще положила крупно нарезанные ломти хлеба в вязанную корзинку. – И как называть творение?

– Шакшука, – громко произнесла я. Технически, конечно, это была не она, но память услужливо выдала только такое название, а искать первопричины такой странности я все еще не находила в себе сил. Может, когда доеду до места назначения, займусь пробелами.

– Ох, – тетя Марта поправила платье, – но, если им не понравится – пеняй на себя. Семь шкур спущу.

– И не жалко вам меня? Что бы сказала скряга Мэри?

Взгляд хозяйки «Серого гуся» потеплел, но тут же снова стал жестким и серьезным:

– Посмотрим. Жди тут.

Как только она вышла, одна из девушек пододвинула мне тарелку с ломтем белого хлеба и кусочком сыра, рядом лежало несколько виноградин.

– Перекуси немного, а то вернется, и времени не останется.

– Спасибо! – впила зубами в хрустящую корочку. – Как вкусно-то!

- А то, – зарделась девушка. – Я лучшие в городе булки пеку.
- Охотно верю, – я закинула в рот виноградинку. – Повезло с тобой тете Марте.
- Это мне с ней повезло, не знаю, где бы я была, если б не она. Я Бетси, кстати.

Трагичную, судя по всему, историю Бетси я не узнала, так как на кухню вернулась тетя Марта. Вошла и встала у входа, скрестив руки на груди. Я словно кролик перед волком смотрела на нее. Прогонит или нет? А спросить страшилась.

- Справилась, однако.

Я выдохнула, и словно гора свалилась с плеч. Значит, гостям понравилось.

– Пойдем, – она кивнула в сторону коридора. – Поболтаем. А мне тут не болтайте и работайте! – вернула девушкам рабочее настроение. – Нечего мне тут уши греть.

В небольшой комнатке стоял полумрак, а половицы скрипели при каждом шаге. Пыль искрилась в отблесках солнечных лучей, а в углу я успела заметить спрятавшегося маленького паучка.

- Ну, – тетя Марта села на кровать, указав мне на выдавший виды стул. – Рассказывай.

– Да как бы это помягче сказать, – я задумалась, подбирая слова. – Матушка решила выдать меня замуж. Но будущий супруг не показался мне тем, с кем можно прожить долго и счастливо.

- Ох, слова-то какие. А попроще?

– Мать продала меня какому-то хрычу. И вряд ли это любовь, – я указала на свое лицо.

– Да... беда, – тетя Марта достала какой-то сверток из комода. – Деньги-то есть? На первое время хотя бы.

Я закивала:

– Да, взяла приданое свое. Без спроса, конечно, но вряд ли мать одобрила бы такое самоуправство.

– Согласна, та еще мегера, – она протянула мне небольшой кулон с красным камнем посередине. – Это тебе.

Я со страхом взглянула на украшение. Камень будто переливался изнутри. Я то и дело видела яркие всполохи.

– Не бойся, – видя мое замешательство, произнесла тетя Марта. – Раньше он принадлежал скряге Мэри, так что бери. Можно сказать, я берегла его для тебя.

– Вы знали, что я приду? – все больше мне казалось это все странным.

– Она знала, а я не верила. Она многое знала, видела суть вещей. Попросила сохранить эту вещицу и отдать заблудшей душе, – тетя Марта прикрыла глаза, словно окунаясь мыслями в прошлое. – Сказала, что это поможет тебе вспомнить.

– Что именно? – я в нетерпении подалась вперед.

– А вот это уже, дорогая моя, твоя задача, разузнать что да как, – недолго думая, она вложила мне в руку украшение. Цепочка тонкой змейкой легла на ладонь.

Теперь я чувствовала лишь тепло от подарка. Даже если мне не показалось, и внутри камня действительно спрятана сила, то она не причинит мне вреда. Откуда я это знала, я не смогла бы объяснить. Походило на мое умение готовить. Ведь после слов тети Марты я и в самом деле задумалась о том, что веду себя совсем не как герцогиня.

– Так, – тетя Марта бросила взгляд на часы. – У тебя еще есть немного времени перед отправлением кареты. Переоденешься в одежду моей Бетси, как раз по размеру похожи. На лицо наденешь маску, будто болеешь. Ну и чепчик пониже опустишь.

– Так она черненькая, вон волосы торчали. Заметят же сразу, что что-то не так.

Тетя Марта задумалась, тербя манжету платья:

– На это счет есть у меня одна идея.

14 глава

Елена

Повозка резко подскочила на выбоине, и меня выдернуло из полудремы. Да, я все-таки уехала от тетушки Марты тем же вечером.

Операция по изменению моего внешнего вида прошла на ура. Бетси не возражала против того, чтобы я надела ее вещи, тем более после того, как шакшука понравилась высокопоставленным посетителям, и они пообещали порекомендовать нас своим знакомым. Все это было, конечно, со слов наивной девушки. Я же думала, что таверну «Серый гусь» просто упомянут в каком-нибудь разговоре мимоходом в положительном ключе. Но и на том спасибо.

Так вот сейчас я ехала уже который час в набитой битком повозке. Тетя Марта сделала невозможное – я стала очень похожа на Бетси, если сильно не приглядываться. Чепчик скрывал мои светлые волосы, а вместо торчащей из-под ткани челки у меня был пучок волос самой девушки.

– Вот, – с гордостью протянула Бетси отрезанный хвостик. – Так точно все подумают, что едет кто-то темненький. Да и матушка твоя вряд ли будет так пристально искать.

В этом я сомневалась, конечно, но даже если учесть, что мое описание, скорее всего, будет звучать как «аристократка, невысокая, худая и светлая», то тот образ, который сотворила тетя Марта, кардинально отличался от прежней меня. Талию мне обмотали куском ткани, создавая валик, как у Бетси, а в правый туфель скатали кругляш из ваты, и теперь при каждом шаге я переваливалась как уточка. Ну и завершал образ платок на лицо, скрывающий шрам. В итоге узнать меня было довольно сложно. И хотя мне было жарко, а нога уже побаливала, я все равно была рада, что с каждой минутой отдаляюсь от своей «дружелюбной» семьи все дальше и дальше.

Еще через час в повозке осталось всего двое пассажиров – я, да неприметного вида мужчина с длинными усами, которые он то и дело теребил толстыми пальцами.

– Ну, вот и приехали, – произнес он тихо, когда мы наконец остановились.

Я жалобно застонала, вставая. Ноги затекли, а попа, казалось, стала совсем плоской.

– Вам надо бы разминку сделать, – заметив мое состояние, сказал попутчик. – А то такая молодая, а уже кряхтите. Ох, не дело это!

– Спасибо, – машинально кивнула ему, вылезая наружу.

– Я – местный лекарь, – снял шляпу мужчина, тут же оказавшись рядом со мной. – Питер Питерсон, – протянул он руку для приветствия.

Я замерла. Было столько времени подумать над тем, как меня зовут, но я так бездарно потратила его на сон!

– Эм, я Елена, – выпалила первое, что пришло в голову. – Рада с вами познакомиться.

– Захвораешь – приходи, – он протянул мне голубую визитку. – Быстро на ноги поставлю.

Попрощавшись с оказавшимся в итоге довольно милым лекарем, я отправилась на поиски таверны, оставленной скрягой Мэри мне в наследство. Память по-прежнему молчала и не выдавала никаких подробностей насчет родства с этой безусловно интересной особой, но я как и прежде надеялась, что на месте смогу выяснить хоть что-то. Надоело двигаться словно в темноте на ощупь.

Улочки в такой поздний час были полны людей. Поначалу я шарахалась, боясь, что привлеку лишнее внимание, но потом, поняв, что никому до меня нет дела, расслабилась и начала смотреть по сторонам. Вымощенная камнем дорога убегала вперед, мелькая среди невысоких домов. Беленые двухэтажные здания с красной черепицей стояли ровными рядами по бокам дороги. У входа в дома перстрели кадки с цветами, отбрасывая причудливые тени.

– Красиво-то как! – замерла прямо посредине.

– А ну, пошла вон с дороги! – услышала крик, и только успела отскочить, как мимо пронеслась запряженная двойкой карета с вензелями на боку.

– А вот манеры не очень, – погрозила вслед кулаком и пошла дальше.

Таверна скряги Мэри встретила меня чуть покосившейся вывеской с названием «Куриный гусь».

– Интересно, что у них за мания так называть заведения? Гусь – это какое-то священо животное? – с сомнением посмотрела на изображение этого самого гуся. Странное серое существо с маленькой головой. Довольно несуразное.

Трехэтажное здание стояло чуть поодаль всех остальных, но прекрасно просматривалось с главной дороги. В окнах первого этажа горел неяркий свет, и я смело шагнула к двери.

– Интересно, как меня встретят? – постучала кулаком по дереву.

Поначалу ничего не происходило. Я даже отошла и еще раз перепроверила, горит ли свет, или мне все привиделось. Все было верно – внутри кто-то был.

Внезапно все звуки стихли, и я услышала тихое шарканье чьих-то шагов.

– Кого нелегкая принесла? – крепкий молодой парень с фингалом под глазом, чуть пошатываясь, выглянул наружу. – Закрыто у нас! Приходите через неделю...

Пьяный что ль? Такие работники мне точно не нужны, как, впрочем, и клиенты. Я даже приблизилась, принюхиваясь. Так нет, пахло мятой и еще чем-то приторно-сладким.

Он хотел было уже закрыть дверь перед самым моим носом, но вовремя вставленная между косяком и дверью нога сделала свое дело.

– Ты что, болезная? Не слышишь?

– Здоровая, не глухая, – я нагло шагнула внутрь. – Но через неделю не могу, так что уважьте, пустите хозяйку переночевать.

– Кто там, Генри? Неужто Скупой Чарли все же пришел забрать должок? – из полумрака показался крупный мужчина с высоко засученными рукавами.

– Если только он не стал носить юбки, – засмеялся Генри, проходясь по мне любопытным взглядом. – Да вот, гости у нас, – он показал на меня пальцем. – Говорит, хозяйка наша. Совсем перегрелась на солнце, поди.

– А ну говори, кто такая и чьих будешь? – здоровяк двинулся прямо на меня.

«Ой», – подумала я и сделала несколько шагов назад, уперевшись спиной прямо в стену.

«Хотя нет, так дело не пойдет» – уперла руки в бока и громко сказала:

– Что за Скупой Чарли, и почему он хочет забрать таверну, которую мне оставила в наследство скряга Мэри?

15 глава

Елена

Воцарилось молчание, прерываемое только тяжелым дыханием здоровяка. Он недоверчиво смотрел на меня, то сжимая, то разжимая кулаки. Бить же поди не будет, да?

– А доказательство? – он подошел ближе, лишая меня пространства. В нос ударил запах дрожжей. – Столько лет никто не объявлялся, так что странно оно все.

Пришло время выложить карты и поделиться хотя бы частью информации. После короткого рассказа, в котором я изложила все и умолчала об основном, меня наконец-то пропустили внутрь.

– Странно оно все, конечно, но допустим, пока, – здоровяк выделил слово голосом, – мы тебе верим, а там посмотрим, насколько полезной будешь.

Спорить и пререкаться не стала. Прошла в довольно большую комнату с расставленными по углам столами. Здесь, наверное, и был главный зал. Если раньше он и был красивым, то от бывшего великолепия не осталось и следа: пошарпанные стены, которым была необходима свежая побелка, серые скатерти и засаленные светильники. Все просто кричало о том, что наследство скряги Мэри находится в плачевном состоянии. Работы здесь требовалось провести не мало.

– Теперь ваша очередь рассказывать, – я выдвинула из-под стола один из стульев и усеялась, сняв с облегчением натиравший туфель. – Что за Чарли?

Парни переглянулись между собой, словно ведя безмолвный диалог, и здоровяк, имени которого я по-прежнему не знала, начал говорить:

– Да есть тут один хрыч, все при Мэри пороги обивал, а как она изошла, так вообще как с цепи сорвался.

– И давно она умерла?

– Так полгода как уже нет ее, – вздохнул с сожалением мужчина.

– А вас, простите, как звать? – ну не дело же его все время «здоровяком» называть.

– Томас я, здешний повар, – представился мужчина.

– Ясно. Так что конкретно хочет Чарли ваш?

– Ох, не говорите так, – замахал в страхе на меня руками Генри. – Не наш он и не надо нам. Пушай вон своими делами, значит, занимается, а в наши ни-ни.

– Хорошо, – я вздохнула, приводя мысли в порядок.

Чувствовала себя мучителем, выпытывая от Генри и Томаса информацию. Если я не спрашивала что-то, то они и не говорили. Проблема. Как я могла знать, чего я не знаю, и что надо спросить?

В итоге выяснила только, что перед смертью Скряга Мэри крупно поругалась с этим самым Чарли. Уж не знаю, что они не поделили, но только через пару дней после этого Мэри слегла, а потом и вовсе отправилась на тот свет.

История темная, ну да ладно. А вот потом началось самое интересное. Оказывается, Чарли нацелился выкупить детище Мэри. Поначалу даже давал приемлемую цену, но Томас, как временный управляющий таверной, все время отказывался.

Ну а потом началось. Проблемы с поставщиками: пара заводов второсортного мяса, несколько дней простоя таверны из-за этого и все – основной пласт клиентов отсеялся и перешел к конкуренту, которым по несчастливой случайности оказался тот самый Супой Чарли. Внезапный пожар так же внес свою лепту во всю эту историю. Когда загорелась пристройка с продуктами, все пошло прахом. И теперь таверна пустовала, влача жалкое существование и держась на плаву только продажей дешевых обедов рабочим.

– Ну вроде ясно, – я стянула с себя чепчик, и черный хвостик Бетси упал рядом. Затем сняла маску, открывая лицо.

– Так вы... Вы... – Генри даже начал немного заикаться, но быстро взял себя в руки. – Поможете нам?

– Говорить, что решу все проблемы и сделаю таверну снова прибыльной, не буду, – увидев, как поникли плечи у парня, сразу же продолжила: – Но я попробую сделать хоть что-то для того, чтобы желание Скрыги Мэри отдать мне таверну не пропало даром.

– Вот это по-нашему! – обрадовался Генри и хлопнул себя по лбу, заметно при этом поморщившись. Там тоже что ли рана? И откуда, интересно?

– Скажу сразу, я в управлении общепитом ничего не понимаю, но если вы готовы мне помогать советами и делами, то, думаю, у нас все получится.

– А что такое общепит? – тихо спросил Генри у Томаса.

– Да кто ж знает, слово-то умное вон какое, откуда ж мне знать, – Томас вышел вперед. – Коли так, то пойдем, хозяйка, покажу покои.

Таверна по планировке оказалась совсем не такой, как была у тетушки Марты. Здесь не было спален для гостей, только трапезная, да комнаты самих работников. Первый этаж был выделен под самую столовую и кухню с кладовыми. Была даже крохотная прачечная. На втором находились уже непосредственно комнаты Генри, Томаса, закрытая хозяйская спальня Мэри, и три свободных.

– А кто еще из работников здесь есть? – показалось странным, что тут всего два человека. Даже для пустующей таверны этого мало.

– Есть еще Тилли, она экономка, но сейчас уехала к родственникам, и Лили – она вообще горничная, но прибирает в зале и на кухне. Живет отдельно.

– Значит, из трех комнат, сейчас пустующих, одну занимает Тилли, верно? – уточнила у Томаса.

– Да, вы можете выбрать из этих двух, – он привел меня к двум противоположным дверям. – Эта выходит на запад, а вторая на восток. Обе теплые и светлые. Правда, в этой, – он указал на восточную, – есть небольшой балкончик.

– Отлично! – не раздумывая больше, открыла дверь. Хотелось встречать рассвет, попивая крепкий кофе и любуясь лучами восходящего солнца, чувствуя запах травы и ловя взглядом блестящие капельки росы.

– Тогда до завтра, – Томас кивнул, одобряя мой выбор. – Сейчас принесу вам немного молока да хлеба, а то с дороги голодны, наверное.

– Не откажусь.

Поела с удовольствием. Усталость и тревоги дня сделали свое дело, и я то и дело клевала носом. Но как только сняла с себя вещи и приготовилась ко сну, услышала подозрительный шорох в ванной комнате.

Я была уверена, что прятаться там негде – комнатка два на два, где и клозет-то поместился с трудом. Тогда откуда шум? Я еще раз прислушалась, ошибок не было – бормотание шло оттуда.

– А ну выходите! – резко открыла дубовую дверь и замерла.

На меня смотрело две пары глаз. Ну как, смотрело. Это, скорее, я видела противоположную стену сквозь чужие глаза. Мозг на этом решил, что с него хватит, и тут же отправил меня в страну снов и видений.

16 глава

Елена

– Эй, может переборщили? – сквозь дрему услышала голос.

– Да прями, вон какая детишина здоровая, что ей будет-то? – вторил ему другой, бессовестно растягивая слова.

Выждать и притворяться глухой в беспамятстве не стала, а сразу открыла глаза. Да, все то же – те же четыре глаза.

Женщина была одета в длинное платье с рюшами с большим вырезом. К пышной груди спускался на цепочке кулон, очень похожий на тот, который был и у меня. Из прически выбивалось несколько светлых прядей, делая лицо довольно милым. Яркие губы и брови ниточкой завершали образ. Постоянно теребя пальцами оборки на платье, она с тревогой смотрела на меня.

Мужчина же был в черном костюме с длинным фраком, на шее красовалось жабо, делая его образ довольно комичным. Мало того, в руке он сжимал часы на цепочке, а один глаз был закрыт пенсне. По выправке он напоминал военного в отставке. В общем, довольно странная компания подобралась.

– Вы кто? – резко села на полу и вскрикнула от боли – головой приложилась я неслабо.

– Не признааала, что ль? – сказала одна из... сущностей?

Мне казалось, что я никогда не была пугливой, но эти двое как-то смущали меня. Может, потому что как-то слишком пристально сверлили меня взглядом?

– Нет, представьтесь, пожалуйста, – признаться, неведение начало порядком надоедать.

– Эх, вот молодежь нынче пошла неблагодарная, – один из визитеров, вернее, одна, взмыла вверх.

– Согласна, – поддакнула я. – А еще невежливая. Совсем не рада оказалась неожиданным и названным гостям в ванной.

Ну а что? Им можно, а мне нет?

– Пардон, Мон шер, – кто-то в облике худошавого мужчины наклонился ко мне и сделал вид, что целует руку.

Кожу сразу обдало холодом.

– Ох, милая, – женщина присела рядом, так и оставшись парить в воздухе. – Прости нааас, мы столько ждали встречи, что, кажется, немного поторопили события.

Я неосознанно схватилась за висевший на шее кулон. Могли ли быть эти визитеры как-то связаны с ним?

– А до завтра никак? – потеряла затылок, на котором уже наливалась небольшая шишка.

– Так ну нет же! – тени замелькали прямо перед лицом.

– Так стоп! – терпение закончилось. – Или говорите, кто такие и что вы хотите, или всем до свидания до завтра.

– От это по-нашему!

– Мэри я, племяшка, Скряга которая, – на удивление кратко и четко произнесла дама.

– А я Олаф второй, вроде бы, не помню точно, – сказали одновременно и замерли.

В образовавшейся тишине я отчетливо услышала бешеное биение своего сердца. Мэри, это та, которая умерла? Та самая? Я отползла чуть дальше от двух призраков и оперлась о стену. Перебор событий для одного дня.

– А я Елена, – снова представилась я не своим именем.

– А то мы не знаем!

– И что вам понадобилось от меня? Раньше-то я вас не видела.

– Так потому что была только часть тебя, а теперь вон – вся целая, – Мэри облетела меня по кругу, не обращая внимания на стену у меня за спиной. – Эх, красаавицей выросла, – снова затянула.

– Вы слепая? Или хотите так втереться ко мне в доверие? – скептически приподняла я бровь. – Если что, то способ сомнительный, я у матушки зеркало нашла и знаю, как выгляжу.

– Та это тьфу, – Мэри натурально что-то выплюнула на пол. – Я про настоящую тебя, а не эту оболочку из-за ритуала твоей сумасшедшей мамы.

– Мне надо выпить! – я кое-как поднялась по стене и направилась на выход из ванной комнаты.

– Ты это, подумай, вся жизнь впереди еще, – Олаф остановился прямо передо мной, загромождавая проход. – Но если чего, я это, – он замялся и потупил взгляд, – компанию составить могу.

– Да про молоко я, а не про это самое...

– А, – грустно улыбнулся призрак мужчины, – ну тогда пошли, покажу, где наливают.

Кухня оказалось маленькой, но до того уютной, что было сложно поверить в то, что таверна еле держалась на плаву. Большая каменная печь стояла прямо напротив входа. Помимо нее прямо на столешнице было несколько зон открытого огня, а рядом находилась зона для самой головки. Все было чистое и светлое – как только мы вошли, на потолке сразу загорелось несколько огоньков, которые давали очень яркий свет. А еще было очень большое окно, правда, я не видела в темноте, куда оно выходит.

– И где молоко? – я завертела головой в поисках нужного мне предмета.

– Ун моменто, – Олаф подлетел к не приметной двери и распахнул ее. – Вот это запасы!

– Да какие это запасы!? – Мэри появилась рядом и затараторила. Она удивительным образом сочетала в себе и торопыгу и женщину, которая вот абсолютно никуда не торопится, так как впереди еще много лет. Хотя, в принципе, учитывая ее состояние, так и было. – Вот в мое время сказали бы, что мышь повесилась.

– А как она повесится? – удивленно взглянул на нее собеседник. – У нее же лапки.

– Ой, ну тебя... – махнула на него Мэри.

Я же достала графин с чем-то белым внутри, судя по запаху, это было наисвежайшее молоко, не парное, конечно, но и не как у нас в магазинах со сроком годности в месяц. Я замерла. Снова новое слово пришлось кстати.

Открыв шкаф над рабочей зоной, нашла там какао порошок. Вначале хотела навести молоко с медом, но передумала.

– Мэри, как насчет огня? Мне бы подогреть немного, – спросила у тетушки.

Тут же, словно она только и ждала этого вопроса, женщина дунула на угли, и они загорелись слабым огнем. Я бы даже сказала, идеальным для подогрева молока. И как это у нее вышло только?

– Спасибо, – поставила на огонь ковшик с молоком и принялась ждать, когда поднимется пенка, медленно помешивая по часовой стрелке. Следила внимательно, ведь секунда промедления будет стоить мне очень дорого – запаха гари, который не выветрить, и грязной поверхности. И это помимо испорченного ночного напитка.

– Вот смотрю я на тебя, – произнесла, снова растягивая слова, Мэри. – Ты прям как заправский повар, а не дочь герцога. Неужто так с деньгами плохо стало? – и снова выжидающий взгляд на меня.

– Не знаю, – пожала я плечами. – Память что-то подводит в последнее время, да и с матушкой мы не в ладах.

– А это все последствия того ритуала! – со знанием дела отрезала Мэри.

«Сейчас бы зефирок, – подумала, глядя на готовый, исходящий паром напиток. – И корицы».

– Если еще что-то ищешь, то там, – Мэри указала на верхний шкаф.

– Ага! – я радостно прижимала к себе необходимые специи.

Добавила щепотку корицы, перца и, немного поразмыслив, все же отложила в сторону белый зефир – с перцем был бы перебор.

Села за стол и сделала глоток потрясающе вкусного напитка. Сладковато-перченный запах заполнил кухню, а пальцы немного обжигал край кружки.

– Ну, – я обвела уставшим взглядом прижавшихся друг к другу привидений, – рассказывайте. Только чур все сразу и без уточняющих вопросов. Их я задам потом.

17 глава

Елена

– Дело было так, – начала Мэри, и на мгновение ее лицо накрыла маска скорби и печали. – Твоя мать, Маргарет, очень долго пыталась захомутать твоего отца. И все вроде бы было у нее ладно – и фигура, и лицо, но вот что-то да стопорилось. Не делал он ей предложение, и все.

– Представляю, как бесилась эта зазноба! – вставил реплику Олаф, но под грозным взглядом Марго сразу же стушевался и умолк, отлетев на всякий случай подальше.

– Может, и бесилась, но виду не подавала. Всегда гордая и неприступная. У нее было много поклонников, но остановила она свой выбор именно на мистере Эверли, очень уж ей хотелось заполучить титул герцогини. Зачем ей графы да бароны?

– И правда, не того полета птицы, – не удержавшись, вставила я ремарку. – Простите, оно само вылетело, – извинилась, когда Мэри шикнула на меня.

– Да, вы во всем прааавы, – устало вздохнула женщина. – Но это не оправдывает ее ни в коем разе.

Больше мы не перебивали. Судя по реакции на рассказ, Олаф тоже не знал подробностей произошедшего. Оказалось, что когда Маргарет уже была близка к своей цели стать герцогиней, появилась она – светлое и нежное существо по имени Амелия. Она-то и затмила разум моего отца. Завидев красотку с ангельской внешностью, он тут же переключился на нее, забыв о матушке.

Тогда как так получилось, что в итоге она добилась того, чего хотела? Все просто. Отец хоть и был повесой, но повесой самых честных нравов. Узнав, что матушка понесла, он как честный человек и аристократ принял единственное верное решение – женился на будущей матери своих детей. Вот только была одна проблема. Чтобы понести как можно быстрее, Маргарет провела запрещенный ритуал на крови, ускорив момент моего зачатия и заплатив за это довольно весомую цену. Вернее, заплатила я своей внешностью. Темная сущность запросила себе за работу часть души будущего, еще не рожденного ребенка. В общем, мне не повезло. Или наоборот, повезло – иначе без него я и не родилась бы. Тут как посмотреть.

– Так, – я принялись ходить по кухоньке из угла в угол: семь шагов в ширину и десять в длину. – Это все, конечно, очень занятно. Но при чем тут моя внешность?

– Так теперь-то душа вернулась, – воскликнула Мэри, от избытка чувств чуть не оторвав очередную рюшку с платья. – И надо бы объединить две части в одну.

– Ритуал провести, да? – прищурилась я, глядя в глаза мертвой родственнице.

– Ох, дамы, – Олаф заметался по кухоньке. – И зачем я с вами связался?

Он то и дело поправлял свои длинные усы, закручивая их все сильнее, но они, как назло, все время возвращались обратно в прямое состояние.

– А ну замолчи, старый, – и без тебя проблем хватает. – Сам вызвался мне, между прочим, помогать.

Голова кружилась. Не только от боли после удара, но и еще от обилия информации. Душа, ритуал, объединение. Ну и страшно было. Если из-за одного я стала такой, то не повредит ли еще один? Вдруг станет только хуже?

– А почему вы раньше не пришли мне на помощь?

– Ну как это не пришли? А на сундук кто указал? Как, по-твоему, ты нашла его? Столько времени мимо ходила и не замечала. Я уж думала, срок вступления в наследство выйдет – и все, плакала моя Таверна.

– А почему раньше не видела вас? – вопросы множились...

– Так душа только наполовину тут была, говорю же, – кажется, Мэри начала выходить из себя от моих вопросов. Заметалась прямо под потолком.

А я что? Спрашивала дальше:

– А почему именно сейчас вернулась обратно? Да и память совсем подводит, по сути, кроме нескольких дней ничего не помню, а еще слова какие-то странные все время в голове, – снова потянулась к карману в поисках черной гладкой штуковины.

– Так все ясно! – глаза Мэри загорелись нездоровым блеском. Как вообще такое бывает у призраков? – Ты там просто умерлааа. Ну или что-то такое случилось, что душа вернулась на место.

Я замерла. Как умерла? И она так спокойно об этом говорит? Хотя да, она же призрак, чего уж ей.

– Значит все воспоминания оттуда – из прошлой жизни? – я остановилась прямо посередине кухни.

– Наверное, – махнула рукой Мэри. – Вот ритуал единения душ проведем и узнаем. Если вспомнишь прошлое, то да, значит было.

– А если нет? – тело от перспективы покрылось мурашками.

– Значит не сработало, и ты просто сошла с ума, и тебе видится всякое такое, – как ни в чем не бывало продолжило приведение.

– Олаф, – повернулась к мужчине, ища подтверждение слов. – Так и есть? Я сумасшедшая?

– Все мы немного того, – задумчиво ответил он, витая в своих мыслях.

– Да уж, занесло меня.

– Да тебе повезло! – радостно парила вокруг меня Мэри. – Мы сейчас как вернем тебе память, как наладим быт в таверне, как заживем!

– Ладно, – согласилась я, сама не зная с чем. – Я вас выслушала, даже частично прониклась печальной судьбой моей матери. Но мне надо подумать.

С одной стороны, стать цельной очень хотелось. Не дело ведь жить наполовину. Я ведь всем нутром чувствовала, что что-то не так. С миром, со мной. Все было чужим, таким, будто смотрю со стороны, как фильм с середины. И с этим надо было что-то делать. Но если не получится? Вдруг ритуал пройдет не так, как запланировано. Тогда все это, и я обвела взглядом свою небольшую компанию, окажется лишь плодом моего воображения. Готова ли я расписаться в том, что сошла с ума? Было сложно сделать выбор, и я решила взять небольшую паузу. Не дело это, решать все в один момент, даже не подумав.

– Сегодня был очень сложный и долгий день, – я зевнула, прикрыв рот ладошкой. – Мне сложно сейчас все взвесить и дать ответ. Мысли путаются от обилия информации.

– Ну началооось... – протянула Мэри.

– Я говорю это не для того, чтобы потянуть время и потом сказать «нет», – я выставила вперед руку, останавливая готовый сорваться с ее уст поток слов. – Мне надо поспать и решить на свежую голову. В таком состоянии я не хочу, – выделила тоном, – и не буду принимать решение.

– А по мне, так мудро, – вылетел вперед Олаф. – А то огорошила девицу новостями и сразу ответ хочешь. Ох, не дело это.

– Ну ладно, – Мэри села на стул, – я может и правда была не права. Но завтра обязательно скажи! Я прилечу и не уйду, пока не дашь ответ.

К себе поднималась, казалось, из последних сил. Бросив свою тушку на кровать, закрыла глаза, чтобы открыть их уже утром с быющей набатом мыслью в голове, вернее, решением о том, что надо сделать.

18 глава

Елена

Пение птиц и шум за окном говорили о том, что утро наступило уже давно. Поначалу я не поняла, где нахожусь, и несколько минут лежала, просто глядя в потолок, собирая мысли в кучу.

– Наследство, привидения, – пробормотала невнятно, и сон сняло как рукой.

Наспех умывшись, на этот раз ванная была в полном моем распоряжении, спустилась вниз, где меня уже поджидали работники таверны. Среди мужчин были и новые лица, видимо, горничная пришла с утра, пока я спала.

– Всем доброе утро! – улыбнулась как можно приветливее. Они же не виноваты, что я половину ночи ходила по коридорам и не выспалась.

– Доброго, – Томас, кажется, оценил мой неказистый внешний вид. – Плохо спали?

– Да, но не это важно. До какого срока я должна официально вступить в наследство, чтобы Скупой Чарли больше не мог претендовать на это место? – проблем было много, разлеживаться некогда.

Томас задумался и потер переносицу:

– Думаю, еще несколько дней. Надо сверить дату, когда было написано завещание.

– Верно, – я кивнула, соглашаясь. Сбегала в комнату и вернулась уже с бумагой. – Так, что тут у нас... Ага, написано двадцать шестого числа, а сейчас?

– Двадцать первое! – воскликнула невысокая девушка, кажется, ее звали Лили.

– Отлично! Есть небольшой запас, – я воодушевилась – хоть что-то идет так, как я задумала. – Вы завтракали? Любите блины?

По ошарашенным от незнакомого слова лицам поняла, что пора заводить сборник рецептов с новыми для всех блюдами. Может, вообще, запатентовать их потом? Мысленно подсчитывая будущую возможную прибыль, направилась на кухню:

– Идемте, буду угощать вас.

С содержимым шкафчиков успела познакомиться еще вчера и теперь точно знала, что и где лежит. Достала венчик и глубокую миску.

– Томас, с тебя несколько яиц, да выбери посвежее, – отправила повара за ингредиентами.

– А еще молоко и мука. А масло подсолнечное я возьму здесь.

Томас пошел не сразу, я видела, как в нем боролись мысли: послушать незнакомку, пусть и законную владелицу этого места, или показать себя как повара и сделать по-своему. К моему счастью, он решил дать мне шанс проявить себя. Подумав немного, он кивнул и отправился к ящикам хранения.

– Ой, – обернулась я к нему, когда он выложил на стол требуемое. – А еще масло сливочное.

– Сразу бы весь список огласили... – понуро побрел обратно.

– А вы точно знаете, что делать? – поинтересовалась Лили, осторожно выглянув из-за спины Генри.

– Подожди немного и узнаешь, – я разбила в миску пару яиц и начала помешивать венчиком. – Но, если что, – обвела взглядом присутствующих, – я никого не держу. Можете и кашу поесть.

Как раз на плите стояла кастрюля с кукурузной вроде бы, запах шел вкусный, но что-то мне подсказывало, что такая еда им уже приелась.

Во взбитые яйца налила молоко, добавила муки и снова начала мешать. Следом, как только на поверхности появилась небольшая пенка, насыпала несколько ложек сахара и кинула щепотку соли. Теперь дело было за малым – добавить муки и гашеной соды. Ее я тоже нашла в

шкафу на полочке еще вчера, когда искала какао. Уксуса только не оказалось, но я заменила на лимонный сок. Продолжая взбивать венчиком все до однородной массы, попросила все того же Томаса разжечь огонь и поставить на него сковороду с тонким дном.

– Есть такая? – конечно, нужно было раньше спросить, ну а вдруг?

– Есть, от покойной Мэри осталась, но мы ею так и не пользовались, – с этими словами поставил на столешницу блестящую новенькую сковороду.

– То, что надо! – подождав, когда появится жар, взяла половник и вылила немного получившегося теста на сковороду. – Теперь надо подождать немного.

– А все герцогини такие, как вы? – неуверенно спросил Генри. Фингал под его глазом, кажется, обзавелся новыми цветами и теперь переливался темно-зеленым цветом.

Я замерла прямо с половником в руке. Честно признаться, я и сама не знала, можно ли меня назвать герцогиней. По статусу – да: отец родовитый, значит и я дама «голубых» кровей. А по повадкам я – это просто я.

– Не знаю, Генри, – я покачала головой. – Может, и найдется кто-то еще, мир-то большой.

Он кивнул, принимая мой ответ.

– А сейчас смотрите внимательно, – произнесла шепотом. – Сейчас буду переворачивать.

Подхватила ножом с тонким лезвием кончик блинчика, перехватила пальцами и быстро перевернула на другую сторону. Я гордилась собой – уже через минуту на большой круглой тарелке лежал мой первый блин в этом мире, который даже не вышел комом.

Когда стопка стала довольно внушительной, да и от теста осталось совсем немного, я попросила потушить огонь и вскипятить воду на чай. К блинчикам достали немного сметаны и варенья, и разлили все по пиалам.

– Ммм, как вкусно! – Генри взял сразу по одному блину в каждую руку и теперь чередовал намазанный вареньем с тем, на котором была сметана.

– Приятного аппетита, – тоже откусила немного от своего.

Завтрак вышел немного странный. Меня вроде и приняли, но смотрели с опаской и недоверием, хотя от еды не отказались, это уже было хорошо.

– А мне понравилось! – Лили допила свой чай и опустошила тарелку. – Ваша светлость, большое спасибо за такой чудесный завтрак. Томас, конечно, знаток своего дела, но, признаться, каша да вареные яйца на завтрак уже порядком поднадоели.

– То-то ты добавки всегда просила, – буркнул на нее повар.

Успела заметить, как покраснела девушка. Ага, значит что-то там нечисто с этими добавками. По виду Лили и не скажешь, что она любитель съедать по две порции.

– Томас, предлагаю сделать эксперимент, – в голове тут же возникла идея.

– Эксеп... – он безуспешно попытался повторить за мной. – Что сделать?

– В ближайшие дни, наверное, лучше с послезавтра, введи в меню блинчики. Порция из двух штук, могут подаваться с медом, сметаной и вареньем. Фаршировать тоже, конечно, можно, но начнем с этого.

– Фаршировать-то зачем? – искренне удивился Томас.

– Чтобы было вкусно, – на радостях, что блинчики понравились, хотела щелкнуть его по носу, но вовремя затормозила себя. Трогать такую гору мышц было опасно.

– Так, ладно, – хлопнула в ладоши. – Теперь все идут по своим делам и делают то же, что и обычно. Да, мне бы посмотреть доходные и расходные книги. К вечеру желательно их принести.

– Как скажете, ваша светлость, – Генри, кажется, ничего не смущало. Последний блинчик махом исчез у него во рту, и тарелка опустела.

Оставшись одна, задумалась, как позвать Мэри. С ответом я была готова.

– Ох, думала, не уйдут уже, – появилась передо мной тетушка, поправляя на руках длинные белые перчатки увешанными кольцами пальчиками. – Руки у тебя, конечно, золотые, но жаль, что я не дожила до твоих... как их там? О, блинчиков!

Проплыв по воздуху, она сделала вид, что принимает к пустой тарелке. На кухне и правда пахло едой. Даже стало жаль ее, столько упускает.

– Так что надумала? Или еще рано спрашивать? – теперь она маячила прямо у лица. – Только чур Олафу не говори, что я сама спросила, – заговорщицки подмигнула мне, – у нас пари. Он говорит, я и до обеда не продержалась бы.

«Да, тетушка, честные игры не для вас», – подумала и тут же ответила на ее вопрос.

19 глава

Елена

– Рассказывайте, что за ритуал надо провести, и что для него надо.

– Моя девочка! – Мэри кинулась ко мне обниматься, но ожидаемо прошла сквозь меня, обдав могильным холодом. Сложилось ощущение, что меня поместили в морозильную камеру полностью раздетой. В общем, бррр. – Я так и знала, что ты согласишься! – родственница закружилась вокруг меня волчком. Поразительно жизнерадостное и активное привидение.

– Ну, – я присела обратно на стул, надеясь, что это хоть как-то замедлит тетушку. – Выбор-то особо и не было. Либо оставаться и дальше наполовину человеком без памяти, либо возвращать себе все то, что у меня отняли еще даже не при рождении.

– Вот! – Мэри наконец-то замерла. – Значит мне надо... – она призадумалась, и между бровей залегла складка. – Надо найти блокнотик. Погоди...

Я и слова сказать не успела, как она бесследно растворилась в воздухе, не оставив после себя даже дымки. С ее энергией еще бы жить и жить. Интересно, если спросить, как она умерла, обидится или нет?

В итоге так, за размышлением о вечном, я и просидела, пока тетушка искала свою вещицу.

– Значит так, на чем мы остановились, – тетушка посмотрела на меня так, словно видит впервые.

– Так ритуал же... – опасливо произнесла я.

– Ага, – согласилась Мэри. – А какой?

Тут мне стало страшно. И в руки этой дамы я собираюсь отдать свою судьбу? Может и не стоит оно того?

– Ну по объединению души и возвращению памяти.

– А ты мне зубы-то не заговаривай! Чай не болтать сюда пришла, а дело делать, – продолжила она как ни в чем не бывало. – Под кровавой луной на четвертый день после цветения папоротника надобно тебе испить по капле из трех источников.

– Ну все, – сказала я безжизненным голосом. – Я пропала. Мне никогда не стать самой собой.

– Это еще почему? – на меня с любопытством смотрели бывшие когда-то голубыми глаза.

А слезы начали капать сами собой, медленно стекая по щекам прямо в ворот платья:

– Папоротник не цветет, он... он... – зарыдала я взхлеб, – спорами размножается.

– От придумала! Тебя что, в том мире совсем не учили ничему? – Мэри обреченно закатила глаза. – Как раз несколько дней назад отцвел, я еще смотрела, как девки деревенские лепестки в полнолуние ищут, мы их с Олафом как раз все попрытали. Вот умора-то была.

– Точно? – новый лучик надежды озарил мое лицо.

– Пфф, – усмехнулась Мэри. – Я что, кровинку родную обманывать буду, по-твоему?

Ох, я бы много что хотела ей высказать на этот счет, но ситуация требовала пиетета и преклонения перед мудрой женщиной, поэтому я лишь отрицательно покачала головой.

– Значит с цветком проблем нет, что еще у нас, – она сверилась со списком, – ну разве что вещь одного из пяти хранителей мира. Вот тут могут быть проблемы.

– Ой, – вспомнила, как тетушка Марта говорила про высокопоставленных гостей в своей таверне. Может, подойдет? – Погоди немного. Я сейчас.

Рванула в комнату. Сейчас буквально решалась моя судьба. Думала о том, что если тот кусочек дерева с кареты мужчины подойдет, то я, наверное, не перестану благодарить местных богов за удачу.

Мэри, естественно, не послушала и отправилась за мной, практически наступая мне на пятки, фигурально выражаясь.

– Как же хорошо, что я еще не дошла до уборки здесь! – выпалила, вытаскивая из шкафа мой скарб, с которым я и прибыла сюда. А комната и правда требовала небольшой ревизии – было слишком много, на мой взгляд, ненужных вещей. – Вот! – на открытой ладони лежал небольшой кусочек дерева, щепка, по сути. Сама не знала, почему я ее не выкинула, а отцепив от платья, просто положила внутрь.

– Дай-ка поближе, – Мэри практически опустила аккуратный носик мне на руку. – Пахнет силой, славой и деньгами. А еще чем-то таким, что не могу уловить.

– Так подходит или нет?

– Да, – она кивнула, поправляя выпавший из прически локон. – Определенно кто-то из хранителей. У них, знаешь, такая аура особенная. Знала бы я раньше, пока еще была жива, то непременно бы воспользовалась этим. А еще мне кажется, что я где-то уже слышала этот аромат. Откуда вещьца?

Я даже испугалась азартного блеска в ее глазах, а еще от смены ее настроения. Что-то тут было нечисто. Поистине опасная женщина, с такой точно не будет скучно.

– Так я когда ехала в карете в таверну к тетушке Марте его нашла, – почему-то начала говорить шепотом. – Он зацепился за подол платья и пришлось немного подпортить имущество вашего хранителя.

– Интересно ритуал сработал, – проговорила Мэри.

– Еще один, что ли? – мне стало страшно. – Что происходит?

– Ну... – женщина немного замялась, но под моим строгим взглядом сдалась. – Надо же было тебе как-то помочь добраться досюда. Ты бы знала, сколько попыток было до этого, чтобы достучаться до тебя. Когда ты наконец-то обратила внимание на сундук с завещанием, я места себе не находила от радости, ведь до этого, сколько бы я ни магичила, ты его просто не замечала. Ну а потом я провела еще один, чтобы помочь тебе добраться сюда. Время-то на исходе! – она заметалась по комнате. – Скоро моя таверна перейдет Скупому Чарли.

– Так, ладно, – я хлопнула в ладоши. – Даже не буду говорить, что все это было крайне опасно. Ну да ладно, что там с источниками? Что это и с чем это едят?

– Их не едят, а пьют, что ж ты за неуч у меня, – озабоченно произнесло приведение. – В общем, слушай: одна – слеза девственницы, вторая – смех ребенка, ну и третье – слеза прощения.

– Так ты говорила, источники... – вот как с ней разговаривать. Где я все это найду за день-то?

– Каждая из капель является символом одного из источников. Смех – вера в хорошее и непоколебимое чувство того, что все будет хорошо. Прощение – символ внутренней силы и принятия, ну а с девственницей, мне кажется, и так все ясно – чистота и непорочность.

– Ну допустим, – меня снова отпустило, и паника сошла на нет. С такими эмоциональными качелями я скоро поседею, или хуже того, стану компаньоном тетушки Мэри, и будем летать вместе, срывая цветки папоротника.

– Ну вот, предлагаю пройтись по городу и набрать все, что надо, – тетушка воодушевленно потянула меня за руку.

– Эй, есть проблема, – я так и осталась стоять посередине комнаты. – Боюсь, при виде меня, никто смеяться не будет.

– Да, запоминающаяся ты у меня, ничего не скажешь, – Мэри недовольно сморщила носик. – Мать твоя постаралась, конечно. Ладно, – махнула она рукой, – твоя взяла. Сама схожу и соберу все, что надо. Жди здесь и никуда не выходи. Вон, в дела таверны вникай, а то расхлябались они у меня тут, ничего не скажешь.

Странно, на мой взгляд, наоборот – работали на чистом энтузиазме и как могли, они ж все же не управленцы. Но спорить не стала, тем более Томас уже, наверное, должен был найти книги, которые я просила.

20 глава

Елена

Меня бил настоящий мандраж. Пока Мэри добывала все нужные для ритуала ингредиенты, я засела за изучение амбарных книг.

Дела, надо сказать, в таверне шли отвратно. Долги перед поставщиками росли, а про выплату нормальной зарплаты я вообще молчала. Было ощущение, что часть работников тетушка просто заставляла работать шантажом. Нельзя же приходить сюда только за идею? Кушать-то хочется.

Но это все лирика. Для начала я наметила план действий, но для выполнения всего задуманного мне все же нужно было иметь другую внешность. Да и матушка могла легко найти меня по описанию. Вряд ли мимо горожан часто проходили дамы с таким лицом, как у меня. По моему опыту (точнее, внутреннему голосу, ведь памяти пока не было) сразу начинать новую жизнь, то начинать ее во всем, обрубив концы в воду. Так что сейчас я сидела в полутемном подвале и заворуженно смотрела, как Мэри в прямом смысле колдует над котелком.

– Так, значит первые слова я сказала, так сказать, проверила готовность, – привидение парило в воздухе, то и дело поправляя задирающуюся юбку. У Олафа в это время как-то подозрительно начинали блестеть глаза, а на щеках тетушки появлялся румянец.

«Разве привидения могут краснеть?» – не к месту задумалась я.

– Чего сидишь, болезная? – Мэри выдернула меня из размышлений. – Я тут, значит, для тебяаа стараюсь, – медленно произнесла она. Вообще я обратила внимание, что когда Мэри волновалась, то начинала растягивать слова, как будто слова бежали впереди мыслей, и она их сознательно тормозила. Но пусть лучше так, чем снова забудет, зачем мы здесь собрались.

Я встала с ветхого стула, который лишь чудом и моими молитвами не развалился под моей тушкой, и направилась в центр комнаты, если небольшое помещение два на два вообще можно было так назвать.

Решение, где проводить сие мероприятие, было быстрым. В комнату теоретически мог кто-нибудь зайти, пусть и ночью, но мало ли. Форс-мажор еще никто не отменял. Значит, нам надо было найти такое место, где поместимся мы трое, Олаф наотрез отказался бросать нас в такой ответственный момент.

– А как... – мне даже показалось, что он начал заикаться от волнения. – Так я же так долго... И без меня? Да не пушу! Костями лягу, но с вами пойду!

Какими костями и как он пойдет, конечно же, умалчивал. Придираться я не стала и мило-стиво кивнула в знак согласия. Мэри же, сверкнув глазами, лишь недовольно поджала губы, но тоже согласилась. И что между этими двумя вообще происходит?

В итоге взяли из кухни котелок, на полу Мэри развела небольшой магический костер – он не плавил поверхность и грел только строго отведенное ему место, то есть дно котелка. Теперь там кипела вода, в которую мне надо было положить все ингредиенты в строгой последовательности, повторяя каждый раз нужные слова и помешивая строго против часовой стрелки левой рукой.

Как Мэри добывала для меня слезы девственности, смех ребенка и прощение, я не знала. Она наотрез отказалась делиться столь нужными навыками.

– Сначала этот, – Мэри протянула мне первый бутылек. – И повторяй за мной: «Чистыми слезами призываю силу невинности».

Повторила и помешала все три раза, как и было положено, против часовой стрелки. Сердце бешено билось в груди, готовое вырваться птицей наружу. Все мое нутро с каждым новым взмахом руки било изнутри и дрожало. Ощущала себя так, будто внутренние цепи, сковывавшие меня, давали трещину.

– Звонким смехом пробуждаю радость жизни, – вылила содержимое второго бутылка. Мне показалось, или стены комнаты и правда содрогнулись?

– Мэри, – шепотом произнесла я, – точно все идет, как надо?

– Чшш, – цокнув на меня, она призвала к тишине. Даже дернувшегося Олафа пригвоздило к месту. – Продолжаем.

– Прощением разрываю цепи прошлого, – сверила с написанным на бумаге и вылила последний.

– А теперь финал! – махнула мне рукой тетушка.

– В огне и слезах, в смехе и прощении возвращаюсь я к себе. Мать отдала, а я верну. Моя душа, вернись ко мне, – закончила и зажмурилась.

Я не могла точно описать, чего ожидала. Волшебной пыли, которая упадет мне на голову, и все вернется на круги своя? Огонь, который испепелит меня, и я возрожусь словно феникс? Масштаб события, по крайней мере для меня, был велик, и я действительно ждала чего-то значимого. Но никак не того, что услышала от Мэри спустя несколько минут.

– Эй, Елена, – холодая кисть коснулась плеча, – глазки открывай.

– Уже можно? – я приоткрыла лишь один.

– Ну если ты с закрытыми глазами вернешь на кухню мой котел, потом его, конечно же, помоешь и поставишь на место, то можешь и дальше с закрытыми. Только ноги, боюсь, переломаешь, пока по лестнице подниматься будешь.

– Что-то я до сих пор ничего не помню, – в ужасе повернулась к тетушке. Коснулась руками шрама и напугалась еще больше – он как и прежде был на лице, занимая свое законное место.

– Мэри, – подлетел Олаф, обеспокоенно сжимая кулачки. – Точно все?

– Ну вы как дети малые, ей богу, – она уперла руки в бока. – Кто ж такое проклятие сразу снимет? Время надо.

– А долго? – с надеждой переспросила я.

– Ну тут уж я не знаю, – она развела руками. – Может, час, а может, и все два. Но думаю, – она придирчиво осмотрела шрам, прямо как хирург перед операцией рассматривает рентгеновские снимки, – лучше ложись спать и жди утра. Так-то оно понадежнее, наверное, будет.

В итоге я кое-как заставила себя все же лечь и не смотреться каждые пять минут в зеркало. С памятью было сложнее, ощущение того, что я забыла нечто важное, до сих пор не исчезло, но стало каким-то «застарелым» и потертым временем. Засыпала долго, поначалу руки то и дело сами тянулись к лицу, потом я успокоилась и меня одолел сон.

21 глава

Елена

Проснулась от дикой боли. Казалось, что болит все – от кончиков пальцев на ногах до самого последнего волоска на голове.

– За что? – схватилась за голову в надежде успокоить пульсацию. – Где мой темпалгин?

Пошарила на тумбочке и разочаровано вздохнула. Меня иногда мучали мигрени, от них спасало только одно, три Т, как говорила моя бывшая начальница Лариса Николаевна, мировая женщина, между прочим: тепло, темно и тихо. А если еще и приправить все это таблеткой, то можно жить.

– Так, стоп! – Ох, зря я сказала так громко. – Название таблеток, бывший руководитель... Я вспомнила!

Вернувшая память постепенно заполняла каждую свободную клеточку мозга, занимая свое законное место. Это было странно. Вот ты не помнил своего детства,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.